

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Александр Афанасьев

Друзья и враги

Серия «Время империи», книга 12

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936445

Время героев : Друзья и враги / Александр Афанасьев: Эксмо; Москва;

2012

ISBN 978-5-699-57254-0

Аннотация

Российская империя и Североамериканские Соединенные Штаты – несмотря на их громадные внешние различия – были просто обречены на союз, к этому их раз за разом подталкивала сама геополитическая логика существования, развития и крушения государств. Увы... каждый раз что-то мешало. Вернее – кто-то. У этого «кого-то» было имя – Великобритания, у властей которой был многовековой опыт политических интриг и безжалостного уничтожения своих реальных и потенциальных противников. Вот и в 2012 году все, казалось, должно было случиться точно так же. Но русский разведчик адмирал граф Воронцов готов на все ради Родины, и даже ссора с другом детства, а по совместительству – Государем Императором Николаем III неспособна заставить его изменить долгу. Большая Игра продолжается, и ее полем становятся улицы Лондона и Мехико, джунгли Амазонии, бескрайний Тихий океан

и раздавленная безумным деспотом Персия. А на кону – судьба всей планеты!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

128

Александр Афанасьев

Друзья и враги

Достойный человек не может не обладать широтой познаний и твердостью духа.

Его ноша тяжела, а путь его долог.

Конфуций

Он слишком удачлив, чтобы иметь только друзей.

Никколо Макиавелли

Российская Империя и Северо-Американские Соединенные Штаты – несмотря на их громадные внешние различия – были просто обречены на союз, к этому их раз за разом подталкивала сама геополитическая логика существования, развития и крушения государств. Увы... каждый раз что-то мешало. Или кто-то.

До открытия Америки, до того, как Америка перестала быть страной, куда ссылают каторжников, и стала страной свободных и отважных – место Америки занимала Россия. Именно туда, на обезлюдевшую после страшной междоусобицы 1612 года территорию – направляли свои стопы молодые отпрыски европейских семейств, благородных и не очень, в надежде найти для себя счастье, процветание, страну, которой можно служить и за которую можно умереть. Все это они находили на бескрайних просторах Рос-

сийской Империи.

Со Средних веков, со времен образования современной геополитической конфигурации, у Северо-Американских Соединенных Штатов и Российской Империи был один враг. Враг подлый, коварный и жестокий враг, который за счет этих качеств смог выстроить империю, над которой не заходило солнце, империю, многократно превышающую по размерам метрополию – на порядок, а то и на два порядка. Удивительно, как один мог управлять сотней, – но это было.

В конце семнадцатого века произошло так называемое «Бостонское чаепитие» – проникшие на британские корабли колонисты выбросили в море ввозимый из Англии чай, что послужило началом Войны за независимость САСШ. Это была война кучки колонистов против самой сильной державы в мире, против Британской Империи. Она могла закончиться сразу – военным поражением на суше. Она могла закончиться со временем – в результате военно-морской блокады портов и невозможности торговать и принимать мигрантов. Но она могла закончиться только одним.

На стороне САСШ сразу выступили Испания и Франция, имеющие свои, давние счеты с Англией. Англия могла это вытерпеть – у колонистов не было военного флота совсем, а позиция Англии в военно-морских делах была такой, что ВМФ Британии должен был быть сильнее двух следующих по силе флотов, вместе взятых.

Но против Великобритании выступила и Российская Им-

перия. Именно Россия собрала так называемый «северный концерт». Объявление вооруженного нейтралитета нанесло сильнейший удар попытке Англии блокировать новообразованное государство колонистов, вышедших из-под контроля. Англия уже находилась в состоянии войны с американскими колониями, Францией и Испанией. Теперь еще целый ряд государств, во главе с Россией, был готов вступить с Англией в войну, в случае если бы она продолжала нарушать их торговлю. К северным странам – России, Голландии, Дании и Швеции – позже присоединились Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий. В 1782 г. в войну против Англии вступил один из крупнейших участников вооруженного нейтралитета – Голландия. Теперь господство Англии на море было безусловно подорвано, а продолжение блокады было невозможным.

В тысяча восемьсот двенадцатом году Северо-Американские Соединенные Штаты объявили Великобритании войну. Основой для этого послужили противоправные обыски британскими военными судами американских торговых – под предлогом того, что на них скрываются британские дезертиры. Об этой войне мало кто помнит за пределами самих САСШ. Но и здесь проявилась позиция России. Между правительством САСШ и Императором Александром Первым был налажен постоянный канал обмена информацией, с американской стороны его поддерживал Джон Куинси Адамс, с русской – граф Румянцев. Российская Империя не

выступала прямо на стороне САСШ, но не приходится сомневаться в том, что тайные договоренности были. Иначе американцы вряд ли бы осмелились объявить войну.

В одна тысяча восемьсот шестьдесят первом году в САСШ началась Гражданская война. Это было больше, чем просто гражданская война между территориями, имеющими разные взгляды на проблему рабства. Это был конфликт взглядов на будущее развитие страны. Либо это будет сырьевой придаток развитого мира – хлопок тогда был не менее важен, чем сейчас нефть, теплый климат, обилие воды для полива и рабский труд делали его себестоимость минимальной, а прибыли от продажи огромными. Либо северный путь – за счет инвестиций в промышленность, развития банковского дела становиться экономически независимым и сильным государством.

История этой войны содержит много тайн, и практически никто не знает ее истинную, а не прописанную в учебниках историю. В истинной истории Гражданской войны в САСШ огромную роль снова играет Российская Империя. Великобритания, а вместе с ней и сложившийся к тому времени концерт европейских держав просто обязаны были вторгнуться в САСШ с целью помощи Югу. Во-первых, из-за наличия значительных экономических интересов в хлопковых плантациях юга. Во-вторых, из-за нежелания допустить возникновения экономически сильного конкурента, пусть даже и за океаном. В-третьих, Британия жажд-

дала мести, и мести кровавой. Это вообще одно из основных побуждений, которые заставляли Британскую Империю начинать войны. Как изначально слабое, расположенное на маленьком островке государство, Британия всегда мстила. Месть ждала и Северо-Американские Соединенные Штаты, чья судьба в тот момент зависла на волоске.

Всем известно о присылке Россией двух военно-морских эскадр в порты США в самый разгар противостояния. Нельзя недооценивать этот жест – ведь в случае атаки американских портов, в которых стоят русские эскадры, у России появлялся повод для объявления войны. Но мало кто помнит о начале в это же самое время похода на Кокандское ханство. Этот поход, в общем-то часть большой игры Британской и Российской Империй в Азии, подозрительно совпадает по времени с Гражданской войной в США. Вкупе с твердым предупреждением Императора Александра Второго правительству Великобритании – не показался ли этот поход правительству Великобритании началом общего наступления России на юг, в сторону Индии? И не явилось ли это той маленькой гирькой, которая склонила мнение Великобритании на невмешательство в Гражданскую войну в САСШ на стороне американского юга. Ведь Российская Империя, униженная в Крыму, только и ждала повода, чтобы расквитаться...

В одна тысяча девятьсот шестьдесят втором году началась война, которую потом многие историки назовут Вто-

рой мировой, хотя официальное ее название – вторая тихоокеанская. Эта война, официально начавшаяся из-за французского наследия в Азии, которое сама Франция удерживать не могла, затянулась на двадцать один год, унесла жизни миллионов человек, прямо или косвенно вовлекла в боевые действия все мировые державы, кроме Австро-Венгрии, и едва не привела к ядерному апокалипсису. Это было больше, чем война за французское наследство, – это была война за господство в зоне Дальнего Востока, Восточной Азии, а потом – и Латинской Америки. И снова Российская Империя, имеющая в регионе свои интересы в виде русского Дальнего Востока, Монголии и Желтороссии, оказалась в одном окопе с Северо-Американскими Соединенными Штатами, противостоя Великобритани, Франции и вскормленному Британией монстру – Японской Империи.

Увы... Северо-Американские Соединенные Штаты вели по отношению к России совершенно другую политику. Темная и грязная история с покупкой Аляски. Привечание на своей земле махровых русофобов и подрывных элементов, таких, как Якоб Шифф, Отто Кан (Кун), которые вложили все, что могли, в поражение России в японской войне, в заражение ее бациллой большевизма. В этой же компании вращался и некий Бронштейн Лейба Давидович, прогрессивный журналист из России, позднее ставший известным по всему миру под своим псевдонимом – Троцкий.

Раз за разом Северо-Американские Соединенные Штаты

отвергали возможность союза с монархической Россией. Раз за разом отвергалась протянутая через Тихий океан рука дружбы. И стоит ли удивляться тому, что на рассвете нового тысячелетия пришла пора расплатиться за прошлые грехи...

29 мая 2012 года.

САСШ, федеральный округ Колумбия.

Вашингтон, 950 Пенсильвания-авеню,

федеральное здание

Офис генерального атторнея САСШ

Конечно, стрельба из винтовки пятидесятого калибра и погибшие полицейские не могли остаться без внимания североамериканского правосудия – и не остались. Находясь на свободе, я сделал несколько звонков – и в результате меня вызвали не в офис прокурора Нью-Йорка, а к генеральному атторнею САСШ, на высший уровень. Моих звонков хватило, чтобы привлечь внимание к трем трупам в канадской машине СРС, а Мишо подсуелся, и делом занялись ребята с Федерал-Плаза, нью-йоркский офис ФБР. В итоге повестка пришла и мне поразительно быстро – явиться к одиннадцати тридцати.

В Вашингтон я поехал на машине, решил не рисковать, тем более что машина бронированная – и проклял все на свете. Пробки на въезде в Вашингтон неопишуемые, и это несмотря на то, что дорожная сеть в этой стране великолеп-

ная. Бетонные многополосные автострады, развязки – им не приходится, как нам, думать, что делать с разрушением дороги зимой, для них снег зимой – это чрезвычайное событие, в то время как у нас на него и внимания не обращают, раз зима – значит, должен быть снег. Толкаясь в своем «Майбахе» на въезде в город, я думал, что же такое могло произойти, если британцам так надо меня убить. То, что пытались убить меня, а не Дариуса, я не сомневался, ребята с винтовкой пятидесятого калибра могли проникнуть в Бронкс, могли подкупить таких же, как Дариус, уродов с дешевым автоматом и минимумом мозгов. Хотя... может, и прав был нью-йоркский коп лейтенант Ген, говоря о том, что все негры нас ненавидят и белый, пытаюсь договориться с негром о разборке с другим негром, рискует получить порцию свинца в брюхо.

Заметив у тротуара «Олдсмобиль» темно-синего цвета, я поспешил к нему. Правительственная машина, почти «Кадиллак», их закупает СРС для высших руководителей.

Человек, сидящий на правом переднем сиденье, вышел, когда я приблизился к машине. Невысокий, крепкий, похож на мексиканца.

– Сэр...

Я поднял руки, и он быстро провел сканером вокруг меня. Затем кивнул, открыл дверцу машины. Пистолет у меня был – но я его держал в скрытой кобуре, которую прикрепил в прокатной машине. Хоть здесь и цивилизованный мир, а без оружия никак нельзя. Как говаривал один мой друг: только

стань бараном, и волки тут как тут.

И он был прав.

– Посол...

Пикеринг улыбнулся:

– Я давно не посол. И вы, кстати, тоже.

– Ну, почему же. Можно сказать, что мы послы доброй воли. Пытаемся навести мосты над пропастью с бушующими в ней недоверием, злобой и безумием.

Пикеринг тяжело вздохнул.

– Вы все, русские, умеете так говорить?

– Не все. Но я писатель. Ничего необычного, любительские опыты в юности, не более того.

– Было бы интересно почитать.

– Уйду на пенсию – издам. Если доживу.

– Кстати, про «доживу»...

Пикеринг ждал, что я начну что-то объяснять, – но я был не меньшим мастером, чем мой североамериканский коллега, и молчал, ожидая вопроса. Кто задает вопрос – невольно раскрывается, это что-то вроде словесного дзюдо. Самый умный человек – это тот, который зубами закрыл дорогу своему языку.

И Пикеринг понял, что начинать придется ему.

– У вас серьезные проблемы.

– У меня?

– Да, черт возьми, у вас! – Томас поднял градус разговора. – Когда британская и русская разведки устраивают раз-

борки на чужой территории и в результате этого гибнут и получают увечья сотрудники правоохранительных органов другого государства, это, черт побери, значит проблемы у обеих сторон, вот что!

– Разве я начал стрелять?

– А те ублюдки, которые погибли в машине, – они умерли от раскаяния?

– Они умерли от того, что я принял все возможные меры к задержанию убийц полицейских. Вы не задумывались над тем, что может натворить сошедший с рельсов ублюдок с винтовкой пятидесятого калибра в городе?

Пикеринг понял, что меня так не пронять.

– С самого начала. И ни слова лжи. От того как вы будете с нами сотрудничать, будет зависеть то, какие обвинения вам будут предъявлены и будут ли они предъявлены вообще.

Я рассказал все, как было, ничего не утаивая. Смысла утаивать не было, в конце концов, я не совершил никакого преступления. Конечно, в Нью-Йорке многие завопят как резаные, если услышат про лихую разборку на Лонг-Айленде, там слишком много демократов и слишком жесткие законы об оружии, но если мне и будет предъявлено обвинение, с хорошим адвокатом оно не пройдет дальше Большого жюри.

Пикеринг какое-то время сидел молча после моего рассказа, пытаясь осмыслить сказанное и разложить все по полочкам. Через тонированные стекла «Олдсмобиля» мы наблюдали за величественным Ванден Плас с флажком Соеди-

ненного Королевства на маленьком флагштоке, причаливающим к тротуару перед нами.

– Нам не пора идти? – напомнил я.

– Нет. Фрай просил дать ему несколько минут. Август Фрай, помните такого?

– Отдел внутреннего взаимодействия, – вспомнил я свой прошлый визит в это здание.

– Теперь – заместитель генерального атторнея. Сделал себе имя на разоблачениях коррупции предыдущего кабинета. Метит в Конгресс.

– Поздравляю.

– Не стоит. Чертовски неприятный тип, себе на уме. Но это неважно.

– Правительство САСШ намерено что-то предпринимать в связи с убийством русской подданной на ее территории?

Пикеринг поморщился:

– Гибелью...

– Убийством, – настойчиво повторил я. – Это было убийство, наглый вызов всем нам и откровенное попрание всех норм человеческого существования. Государственная машина охотится за двадцатилетней девчонкой, которая виновата лишь в том, что не проявила предусмотрительности при выборе кавалера. Это не может быть терпимо. Что завтра придет в голову этим ублюдкам, кого еще они попытаются убить?

Пикеринг, не найдя, что ответить, открыл дверь машины:

– Пойдемте.

Августа Фрая я видел всего один раз в жизни, но запомнил, как и всех, кого встречаю на своем жизненном пути – у меня хорошая память на лица. За то время, что прошло с нашей последней встречи, он почти не изменился – словно законсервировался. Если бы нужна была модель для написания картины «идеальный чиновник» – Август Фрай подошел бы лучше всего.

– Сэр...

– Рад вас видеть, мистер Воронцов... – он выговорил мою фамилию, с трудом, но выговорил, тоже запомнил. – Прошу присесть вот здесь. А вы, мистер Пикеринг, – вон туда. Да, вон туда...

Здесь было что-то вроде суда, неофициального – но все же суда. От того, чем закончится сегодняшняя встреча, будет зависеть то, выдвинет ли прокуратура уголовные обвинения.

Напротив меня сидел лорд Тимоти Арчер, барон Хоу, его отец был пэром Англии, сын этого титула пока не выслужил, но, вероятно, выслужит. Второй секретарь Посольства Ее Величества Королевы Великобритании в Вашингтоне, писатель, публиковался под псевдонимом Джеймс Хоу. На мой взгляд – весьма средне.

– Прежде всего, господа, – продолжил Фрай, – хочу предупредить всех, что наш сегодняшний разговор записывается, запись разговора может быть использована в суде, а также

– при дальнейшем расследовании дела. Поэтому любой из вас может пригласить адвоката и ничего не говорить до его прибытия. Итак, вы, мистер Воронцов?

– Адвокат мне не нужен, спасибо.

– Лорд Хоу?

– Какой адвокат? – не понял британец. – Мы в этом деле пострадавшая сторона!

– Мистер Хоу, вам понятны ваши права, как представителя Соединенного Королевства, и желаете ли вы пригласить барристера¹ при защите своих интересов и интересов Его Величества?

– Нет, благодарю, я вполне справлюсь сам, – исполненный презрения к бывшим колонистам, проговорил лорд Хоу.

– В таком случае начинаю. Помнится мне, вы не можете давать присягу, мистер Воронцов.

– Совершенно верно, я не могу присягать в вашем суде. Но я могу поклясться говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

– Думаю, этого будет достаточно. Итак, мистер Воронцов, вам слово. Каким образом вы сумели впутаться в историю со стрельбой.

Здесь я выложил уже приукрашенный рассказ. Не то чтобы лживый, просто утаивающий некоторые моменты. Полу-

¹ Барристер – в английском праве адвокат, имеющий право самостоятельно выступать в суде высокой инстанции. Есть и что-то навроде «младшего адвоката», он имеет право готовить дела и выступать в низших судах. Такой адвокат называется солиситор.

чилось так, что я в компании бывшего агента ФБР Марка Мишо ехал на его машине в небольшой поселок на Лонг-Айленде. Меня пригласили друзья Мишо, потому что у них была информация об убийстве русской подданной в Нью-Йорке, произошедшем совсем недавно. Когда мы подъехали к дому – началась стрельба, и нам пришлось спастись. Мне удалось раздобыть винтовку, после чего я зашел во фланг нападавших и открыл огонь по их машине. Нападавшие были убиты, агент Мишо был ранен в перестрелке, и поэтому я не дождался полиции, а отвез раненого в больницу. Вот и все, что я имею сообщить по данному делу.

– Я протестую относительно того, каким образом преподносится дело о гибели русской подданной в автомобильной катастрофе, – заявил барон Хоу, – князь опускается до того, что пересказывает печатающиеся в желтой прессе сплетни и досужие домыслы.

На сей раз я сдержался.

– До вашего протеста мы еще дойдем, барон, – с кислой миной заявил Фрай, – сначала разберемся с заявлением господина Воронцова. Итак, вы не отрицаете того, что у вас была винтовка и вы сделали несколько выстрелов из нее?

– Не отрицаю.

– И в кого же вы стреляли?

– Я стрелял в машину, которая пыталась скрыться с того места, с которого дом обстреливали.

– И вы видели, кто находился в машине?

– Нет, потому что было темно. Но у меня достаточно опыта, чтобы сделать заключение о том, что это именно та машина, на которой пытались скрыться убийцы, обстрелявшие полицейских.

– Не сомневаюсь в вашем опыте. Вы стреляли на поражение?

– Да, безусловно.

– Но почему же? Как вы могли быть уверены...

– Извините, сэр... – перебил я Фрая. – В Северо-Американских Соединенных Штатах никогда не было терроризма, а у нас он был. Русский терроризм берет свое начало во второй половине девятнадцатого века, и террористическая активность не спадает и поныне. Мы сто пятьдесят лет живем в условиях непрекращающихся посягательств на нашу жизнь, собственность, само наше существование как народа. Поэтому у нас, сэр, принято стрелять на поражение в убийц, которые обстреливают тебя из винтовки пятидесятого калибра. И в любых других убийц мы тоже стреляем на поражение. Мы считаем, сэр, что-либо нужно стрелять на поражение, либо не стрелять вовсе.

Фрай предпочел не развивать эту тему – он прекрасно знал, что будет, если эту запись прослушать, к примеру, на Большом жюри. Североамериканцы – совсем не такие толерантные, какими бы их хотели видеть власти. Им не нравится, что власть ничего не может сделать с бандитами, расплодившимися в больших городах, и не может даже открыто

признать, что подавляющее большинство бандитов – либо негры, либо латиноамериканцы. Им не нравится, что в стране существует огромный класс людей, живущих на велфер² и годами нигде не работающих. Им не нравится, что сначала в коммьюнити с нормальными белыми законопослушными людьми въезжает одна мексиканская или негритянская семья, потом другая, обернуться не успел – урны перевернуты, ночью в проулках тусуются рэперы и гремит музыка, в соседнем гараже разбирают краденые машины, а наркоманы рыскают по улицам в поисках денег на дозу. И дом, за который семья платила двадцать лет, теперь можно продать только за треть цены. Вопрос тут не в цвете кожи. Вопрос в том, что существует значительная прослойка населения, которая предпочитает паразитировать на обществе, не давая ему ничего взамен, и считает, что законы общества писаны не для него, что можно, к примеру, не знать английский и требовать везде дублирующих надписей на испанском, вместо того чтобы учить язык. И существует другая прослойка общества, которая считает, что таким вот социальным паразитам и эгоистам надо уступать, ущемляя интересы большинства ради интересов меньшинства. В Российской Империи такого не может быть по определению, все подданные равны перед Государем и несут определенный объем обязанностей. О них они должны задуматься прежде, чем о своих правах. А здесь назвать черное черным, убийцу – убийцей означает

² Социальное пособие.

стать изгоем для общества и подвергнуться судебному преследованию. Но те, кто все же называет вещи своими именами, приобретают опасную популярность, и Фрай не хотел, чтобы в числе таких опасно популярных людей оказался русский дворянин.

– Вернемся к тому, как вы попали в этот поселок, мистер Воронцов. Кому позвонили эти полицейские, вам или...

– Мишо, сэр.

– Да... Мишо.

– Агенту Мишо, сэр. Вернее – бывшему агенту.

Этот звонок на телефонном аппарате Мишо был, и он был отвечен. Если они будут проверять счета из телефонной компании и закажут детализовку – звонок будет.

– О чем они говорили?

– Сэр, я не могу ответить на этот вопрос, потому что не являлся участником разговора.

– После этого вы сразу выехали...

– Да, сэр. Мы сразу выехали на Лонг-Айленд.

– Откуда?

– Из Манхэттена, сэр. Мы выехали из Манхэттена.

– Хорошо... Мишо работает на вас?

– Нет, сэр.

– Вот как?

– Да, сэр. Бывший агент Мишо работает на компанию «Трианон Секьюрити», где числюсь консультантом и я. Владелец компании – Марианна Эрнандес.

– Вы утверждаете, что компания «Трианон Секьюрити» не находится под вашим контролем?

– Совершенно верно, сэр.

– Какие отношения связывают вас с Мишо?

– Дружеские. И деловые.

– И он готов подтвердить эти слова?

– Сэр, об этом вам лучше спросить у него самого.

Фрай потер подбородок. Он понимал, что просто так меня не проймешь. И под закон RICO³ «Трианон» вряд ли подходит. Слишком опасные связи у нас наверху. Слишком серьезными делами в вопросах безопасности мы занимаемся.

– Хорошо. Как вы поняли, из чего стреляют? Вы видели стрельбу и стрелявшего?

– Нет, сэр. Но я понял, что стреляют из винтовки пятидесятого калибра, потому что сам стрелок и неоднократно стрелял из подобного оружия. Кроме того, я являюсь владельцем лицензии на стрелковое оружие третьего класса и аккредитован в BATF как импортер и экспортер оружия.

– И все-таки – как вы поняли, по кому нужно стрелять?

– Мишо продвигался впереди меня. У него было помповое ружье. Он вскрикнул, упал, потом я увидел выезжающую

³ Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act – закон о коррумпированных и подверженных рэкетирскому влиянию организациях. С помощью этого закона удалось серьезно подорвать позиции мафии – но он предоставляет правоохранительным органам опасную свободу в вопросе отбора собственности. Сам автор считает этот закон антиконституционным и нарушающим гражданские права.

машину, как раз с той стороны, куда двигался Мишо. У меня была винтовка, и что я должен был делать?

– Вы слышали выстрел, которым ранили Мишо?

– Нет, сэр. Полагаю, это был пистолет с глушителем.

Фрай пожал плечами. Он пытался меня на чем-то зацепить – и не мог.

– Пистолет с глушителем и в самом деле нашли полицейские. Но он лежал довольно далеко от машины, которую вы обстреляли.

Теперь с улыбкой пожал плечами я. Если вы ждете от меня каких-то домыслов и предположений – не дождетесь, сэр.

– Что вы сделали после того, как обстреляли машину?

– Я подбежал к Мишо и помог ему подняться. На нем был бронежилет, и он остановил пулю. Потом я и Мишо подошли к машине, которую я обстрелял, – там были все мертвы, сэр. Потом мы поехали в больницу.

– Вы видели, какую машину вы обстреляли? Какой она была марки?

– «Фарго», сэр. Это была «Фарго».

Фрай повернулся к высокомерно выслушивающему нас барону.

– Автомобиль марки «Фарго», барон. Был взят напрокат в Монреале.

– Что вы этим хотите сказать?

– Совершенно ничего. За исключением того, что мы проверили, какие рейсы прибывают в аэропорт Монреаля в то

время, когда была взята напрокат машина. Лондон и Эдинбург, оба – «Бритиш Эйрвейс». Стоит ли нам копать дальше?

– Я вас не понимаю.

– Зато я прекрасно все понимаю. Двое полицейских убиты, еще двое – инвалиды.

– Какие обвинения вы предъявляете мне?

– О, никаких. За исключением того, что мы изъяли информацию о дорожном движении в городе Нью-Йорке в тот день, когда произошла подозрительная автомобильная катастрофа с русской подданной. За исключением информации из тоннеля – кто-то предусмотрительно отключил камеры, причем этот кто-то знал, как это делается. Как вы думаете, сколько канадских автомобилей мы найдем на этих пленках? И сколько из них будут взяты напрокат в Канаде в тот же день, что и «Фарго»?

– Вы верите рассказам русского сумасшедшего! Право, это напоминает дурной детектив!

– Не хуже написанного вами...

– Нет, это...

– Ваш литературный талант, барон, также не заслуживает того, чтобы его скрывали, – перебил я барона, – могу даже подсказать сюжет. Наследник британского престола, желая забыть несчастливую и трагическую любовь к русской барышне, находит себе новую подружку и едет... в Монако? А следом за ним по подложным документам прилетает человек, который отправил посылкой из Северо-Американских

Соединенных Штатов одну из этих новых штучек из Вестфилда⁴, которые можно спрятать под пальто и которые тем не менее являются настоящей снайперской винтовкой. И как назло – этот человек не совсем в себе и очень не любит старую добрую Британию. Или возьмем Их Королевское Величество, защитницу рыцарства. Как я слышал, она обожает верховые прогулки по лесу? И на скачках в Аскоте открыты все трибуны, включая королевскую. Разумно ли это, когда вокруг столько психов, и как мы смогли убедиться – у какого-то из психов в руках может оказаться винтовка пятидесятого калибра. Или возьмем вас, барон Хоу...

– Прекратите!

Красный от гнева барон хватал ртом воздух, как вытасченная из воды рыба.

– Это... это неслыханно!!!

– Почему же? Отличные сюжеты для детектива, попадете в шорт-лист «Нью-Йорк таймс».

– Это возмутительно! Этот человек угрожает... Я требую, чтобы его немедленно арестовали! Немедленно!

– Требуете, мистер Хоу? – задумчиво сказал Пикеринг.

– Этот человек... он террорист! Убийца и террорист!

– Но как-то так получается, что не он обстрелял полицей-

⁴ В Вестфилде, штат Массачусетс, находилась штаб-квартира компании Savage, производящей, наверное, самые недооцененные потребителями винтовки в САСШ. Они первыми из всех крупных североамериканских оружейных компаний представили снайперские винтовки в ложе со складывающимся прикладом, очень удобные.

ских, а кто-то другой, причем мистер Воронцов при этом едва не погиб. Мистер Мейсон?

Представитель министерства юстиции прокашлялся.

– Барон Хоу, мы требуем содействия британской стороны в вопросе установления возможной причастности лиц, находящихся на службе Короне, к обстрелу и убийству полицейского. Будет проведено тщательное расследование этого инцидента. Вы должны понимать, что убийство полицейского не может не иметь должной реакции со стороны правительства Северо-Американских Соединенных Штатов.

– Это неслыханно! Этот человек, – барон Хоу невежливо показал пальцем в мою сторону, – только что угрожал убить Ее Королевское Величество и принца – наследника престола!

– Разве? А мне показалось, что вы только что обсуждали остросюжетную литературу.

Британский лорд поднялся с места, исполненный ледяного презрения к нам, потомкам сосланных каторжников и потомкам азиатских варваров, он оглядел нас горящим взглядом и вышел, притворив за собою дверь.

– Мистер Воронцов... – негромко сказал мистер Мейсон.

– Сэр.

– Я так полагаю, что это и впрямь было не более чем обсуждением остросюжетной литературы, я прав?

– Сэр, я потомственный дворянин, и негоже потомственному дворянину провозить нелегально оружие в чужую стра-

ну, чтобы охотиться за ее монархом. Это совершенно неприемлемо.

– Я рад, что вы так думаете. Однако у вас есть поразительный талант притягивать к себе... – Мейсон запнулся, подбирая подходящее слово, – неприятности. Причем неприятности эти чаще всего бывают связаны со стрельбой.

– Сэр, моя работа заключается в том, что...

– Мистер Воронцов, министерству юстиции САСШ известен список компаний, которые вы опосредованно контролируете, известно и то, что большинство из них либо занимается торговлей оружием и спецсредствами, либо оказывает услуги по обеспечению безопасности и урегулированию кризисных ситуаций. Вам известно, что согласно североамериканскому законодательству правительство САСШ не имеет права заключать подобного рода контракты с организациями, которые инкорпорированы вне пределов САСШ.

– Известно, сэр.

– В таком случае, мистер Воронцов, могу сказать вам вот что. Мы ценим то, что вы делаете для нас, и то, что вы продолжаете делать. Но мы полагаем, что и вы должны ценить наше довольно либеральное отношение к вам и к вашей деятельности.

Намек был более чем понятен. Если я продолжу доставлять неприятности – министерство юстиции начнет проверку. Даже если она ничем не завершится – всех государственных и половины частных контрактов мне не видать как своих

ушей. Здесь это все жестко – достаточно малейшего намека на криминал, и все кончено.

– Я вас понял, мистер Мейсон.

– Надеюсь, мистер Воронцов, надеюсь. Кстати, чисто для интереса, вы ведь появляетесь в нашей стране наездами? Сколько вы намерены пробыть здесь на этот раз?

– Недолго. Думаю, что очень недолго. Пошлю вам в подарок бутылку текилы, сэр, когда прибуду на место. С червячком внутри.

Помощник министра юстиции скривился.

– Не стоит, мистер Воронцов. У нас строгая политика в отношении подарков и прочих подношений. Не смею вас больше задерживать.

Вместе с Пикерингом мы спустились вниз, к машинам. В Вашингтоне светило солнце.

– Надеюсь, ты серьезно насчет того, что дворянин не должен убивать дворян?

– О, вполне. Но замечу, что их премьер-министр – человек невысокого звания...

– Черт бы тебя побрал! – На сей раз Пикеринг разозлился всерьез. – Какого хрена ты вывалил это здесь? Какого хрена ты так себя ведешь, тебе что, и впрямь недорог твой бизнес!?

– Дорог.

– Тогда какого хрена? Британцы сейчас завизжат, как будто их режут, и в мгновение ока накатают дипломатическую ноту! Мы не сможем прижать ее, и ты запросто окажешься

персоной нон грата, чтобы не раздражать кузенов.

– Лично я предпочитаю оказаться персоной нон грата, а не персоной, захороненной в закрытом гробу. Брось, Том, это же просто, как дважды два. Я не должен был этого делать, но я это сделал. Пусть британцы подумают, что я снялся с тормозов. Тогда им будет уже намного сложнее принимать решения...

– А насчет отъезда?

– Насчет отъезда я серьезно. Слишком много дел.

Пикеринг внимательно посмотрел на меня.

– Тогда я хочу, чтобы ты к нам *заглянул*.

Главным здесь было слово «заглянул», оно означало то, что предстоит серьезный разговор на одной из конспиративных штаб-квартир СРС здесь, в Нью-Йорке, или в окрестностях. В Нью-Йорке, в месте, известном лишь немногим, работал департамент СРС, ведущий разведку против государств континентальной Европы. Мне в этот департамент доступа, конечно же, не было...

– Когда?

– Вечером.

– Куда?

– Я позвоню.

Я утвердительно кивнул головой.

Оставался один вопрос, который не давал мне покоя...

Заподозрив неладное, я завернул в одно тихое место,

где можно разжиться всеполосным сканером радиосигнала. Небольшой магазинчик, который содержал бывший полицейский, ныне специалист по безопасности, торгующий радиоэлектронным и прочим оборудованием для ее обеспечения – но не оружием. Просто не хотелось получать лицензию третьего класса, да и стоит она сейчас дорого, сам знаю. Когда начинал, я не раз наведывался сюда лично, и полицейский должен был меня помнить.

Самого Джима не было, за прилавком стояла его супруга Марта, матрона лет пятидесяти. Она тоже меня помнила...

– Привет, Марта...

– Мистер Воронцов! – Толстуха расплылась в улыбке. –

Вы давно к нам не заглядывали...

– Дела, Марта, дела. А где Джим?

– А где ему быть. Сидит вон там, что-то паяет. Проходите...

Бизнес Джима начался с того, что он был не только полицейским, но и радиолюбителем, самостоятельно собрал мощную радиостанцию, позволяющую общаться со всем миром.

Джим, как Марта и сказала, сидел за столом и что-то паял, в комнате пахло спиртом и канифолью. Чертовски многие североамериканские бизнесы начинались, как этот – в гараже. Здесь их называют «стартап».

– Привет, Джим.

Экс-полицейский снял очки, которые он надел, чтобы за-

щитить глаза от дыма, брызг канифоли и припоя.

– Что делаешь?

– Да вот, решил поковыряться в новой «мотороловской» радиостанции. Идиоты, что ли, ее делали? Как у вас дела, мистер Воронцов?

– Не лучшим образом. Мне надо провериться. У тебя клетка работает?

– Работает, я ее еще круче сделал. Теперь она и спутниковый сигнал ловит.

– Отлично.

Прямо как есть, я встал в нечто, напоминающее клетку, только вверху было приспособление, напоминающее устройство для скоростного просушивания причесок в дамских салонах, от него шли провода к генератору, к компьютеру и к спутниковой антенне, установленной над домом. Не знаю, насколько это полезно, стоять в клетке, но от жучков помогает избавиться на сто процентов.

– Так... Готовы?

– Готов...

– Тогда включаю. Стойте спокойно.

Вверху, над головой, что-то зажужжало, и я почувствовал, как помимо моей воли у меня встают дыбом волосы.

Экзекуция заняла буквально пару минут, потом Джим взял ручной сканер и, не выключая аппарат, обошел вокруг клетки, водя прибором в разные стороны. Потом выключил аппарат, и я вздохнул с облегчением.

– Итак?

– Что-то есть, мистер Воронцов. Выкладывайте все, что у вас есть в карманах, на стол.

Интересно... Дело в том, что я уже проверялся у себя в офисе на предмет наличия жучков. Проверка ничего не показала.

Я выложил из карманов все, что у меня было – зеркальце, складной, но очень хороший нож армейского образца, бумажник, немного веревки, очень прочной, которую я привык носить с собой с давних времен. Все это я аккуратно разложил на столе – и Джим принялся водить сканером уже над этим. Результат его не удовлетворил, и ему пришлось провести повторную проверку. Каждую вещь он переносил в клетку и снова включал аппарат. На второй вещи произошла сработка.

– Бумажник. Откройте его, там что-то есть. Посмотрите – в бумажнике нет ничего лишнего?

Я открыл бумажник, начал выкладывать на стол все, что там было. На одной из вещей я споткнулся.

У меня никогда не было кредитной карточки Барклайс-банка.

– Вот это. У меня никогда не было такой кредитной карточки...

– Так я и думал.

Джим поместил в клетку уже одну эту карточку – и она дала сработку. На всякий случай я снова собрал бумажник,

положил его в клетку – результат был отрицательным.

– Карточка?

– Да, мистер Воронцов, карточка. Но это не простая карточка, это не обычный жучок. Это RFID-метка, слышали что-то об этом?

– Мельком...

– Чертовски эффективная технология, она только начинает входить в жизнь. Все началось, когда Уолл-Марту понадобились какие-то метки на товары, чтобы можно было не доставать их из пакета и сканировать штрих-код, как раньше, а направить луч на пакет – и чтобы машина автоматически распознавала весь товар, какой там есть. Это упрощает и ускоряет работу кассира, позволяет держать меньше касс и не допускать очередей. Так появились первые радиочастотные метки, откликающиеся на сигнал на определенной частоте. За несколько лет эту технологию довели до того, что теперь есть радиочастотные метки, которые позволяют наблюдать за товаром со спутника. Железной дороге нужна идентификация грузов в пути, морским контейнерным перевозчикам – тоже, армии – тем более. Если вы перевозите что-то, вы можете знать, где находится каждый конкретный товар, принадлежащий вам. Кредитная карточка – удобный инструмент, мало кто помнит, сколько у него есть этих кредитных карточек, кредитка – это просто кусок пластика, который мы носим с собой и обращаем на него внимание только тогда, когда нужно за что-то заплатить. А эта штука, судя

по всему, откликается только на сигнал из космоса.

– А приемник?

– Сейчас двадцать первый век, мистер Воронцов. Покупаете любой коммуникатор со встроенным навигатором, или просто навигатор, устанавливаете на нем специализированное программное обеспечение, которое можно скачать в Интернете, и добро пожаловать в мир шпионажа. Все просто.

– Да, все просто... – Я отсчитал тысячу долларов наличными. – Достаточно?

– Вполне, мистер Воронцов. Э... вы могли бы оставить мне карточку? Интересно посмотреть на эту технологию вблизи.

Вообще-то я намеревался выбросить ее в кузов какого-нибудь мусоровоза или подбросить в салон машины, чтобы запутать следы. Но... если рассудить, что я теряю, оставляя ее здесь. Пусть разбираются, что это я делаю, мне нужно всего лишь несколько часов, не больше. Потом я покину страну.

– Забирай.

До вечера у меня оставалось время, и я потратил его для того, чтобы разгрести накопившиеся дела – посетил банк и адвокатскую контору «Барр и Стрейзман», которая вела мои дела по налогам. В Северо-Американских Соединенных Штатах вопрос уплаты налогов стоит на порядок более серьезно, чем в Российской Империи, и за состоянием своего налогового досье нужно тщательно и непрерывно следить.

Все это время я внимательно смотрел по сторонам и старался находиться в местах, где было много людей.

Заглянуть – значило посетить один неприметный, но очень дорогой особняк в Вестчестере, которое СРС купило на подставную компанию и в котором проводили совещания повышенного уровня секретности и содержали перебежчиков. Я знал также и то, что некоторые высшие чины СРС используют хорошо обставленный особняк для встреч с дамами, когда приезжают в Нью-Йорк. Нью-Йорк, как и Лас-Вегас, еще тот город греха.

Дом располагался на территории комьюнити, хорошо охраняемого частной вооруженной охраной, и первым, что я увидел, подъезжая к пропускному пункту, был столб дыма, поднимающегося из-за высаженных у дороги канадских кленов, давших название комьюнити. А потом я услышал и хриплый вой с переливами пожарного рожка – пожарные спешили на помощь.

– Что там произошло? – спросил я охранника, когда пришла моя очередь на посту пропуска. Пожарные машины уже проскочили, воспользовавшись соседней полосой для выезда с территории.

– Кажется, взорвался газ, сэр. Вы приглашены?

– Нет... кажется, я ошибся. Это Дорхаус?

– Нет, сэр, это Кленовые аллеи. Дорхаус – наши соседи, вам надо проехать немного дальше по дороге, и будет указатель.

– Спасибо.

– Можете развернуться там, сэр.

Ублюдки отреагировали совсем не так, как я ожидал. Они должны были пытаться выследить меня – но вместо этого они запаниковали и начали обрубать концы. Жестко и не считаясь с последствиями, нарушая неписанные этические правила взаимоотношений разведок. Какая же все-таки хрень происходит?

Тем же вечером я взял билет в Боготу с промежуточной посадкой в Мехико – билет я взял до Боготы, чтобы хоть немного запутать след. «Боинг-747» компании «Пан Ам» – надеюсь, никому не придет в голову его взрывать. А в Мехико мой след оборвется уже капитально.

Картинки из прошлого.

16 августа 2004 года.

Амазонка, джунгли

Все начиналось, как обычно, – ночью. Морские коммандос любят ночь, ночь укрывает от чужого взгляда, ночь – это для них. Не все проснутся.

– Только вчера разведкой было получено сообщение от агента, живущего в Сантареме. По его данным, в районе Рио Прето да Ева расположен новый лагерь анархистов, примерно на шестьсот-семьсот персон. Лагерь расположен около шестидесяти миль к северу от основного течения Амазонки

в джунглях. Лагерь сильно укреплен, защищен минными полями и секретами, выдвинутыми на путях вероятного подхода к лагерю. Секреты, по всей видимости, есть и на реке. Туда же, по всей видимости, успели завезти продовольствие и оружие. Принято решение уничтожить лагерь ударом стратегических бомбардировщиков «Б52», которые взлетят с Сан-Сальвадора. Ваша задача, джентльмены, – обнаружить лагерь и сообщить его координаты, остальным займутся летуны. Неизвестно даже приблизительных координат лагеря, информация базируется на пьяной болтовне в припортовом баре.

Коммандер Томас Марсинко, сам бывший «тюлень», а ныне – начальник группы управления «Коронадо», расположенной на Леди Би, ответственный за все операции в дельте Амазонки, стоял над столом, на котором была сделана – целый год горбателись! – рельефная карта оперативного района «Коронадо», захватывающего почти всю дельту Амазонии.

– Вывод группы планируется с использованием двух лодок RHIB⁵, которые высадут вас в районе Отель Альфа чуть ниже Манауса. Дальше, соблюдая скрытность, вы выходите к реке Рио Прета да Ева и поднимаетесь вверх по ее течению, ведя разведку по обоим ее берегам. В движении соблюдать осторожность и скрытность – по разведданным, в райо-

⁵ RHIB – лодки с жестким днищем и надувными бортами, усиленными кевларом. Вооружены обычно двумя пулеметами.

не большое количество боевиков из Манауса, так далеко почти не чистили, ни напалмом, ни бомбардировками. После обнаружения лагеря – а такой лагерь будет обязательно снабжаться по реке, – вы ведете наблюдение, а потом передаете разведанные установленным порядком и уходите. Основной маршрут вывода группы – выходите ближе к Манаусу, вот сюда. Вас будут ждать лодки под прикрытием «Т-стиков». Запасной – вертолетом. В критической ситуации – уходите сами, самое главное для вас будет – дойти до реки и подать сигнал бедствия при появлении любого патрульного судна.

«Тендерстики»... Еще одно новшество в речной войне. Бронированный катер-катамаран, обвешанный противокумулятивными решетками, основным калибром которого была автоматическая минометная установка «Огнедышащий дракон» калибра 120 миллиметров. На всякий случай в корме стоит «Мк19», автоматический гранатомет, а в бронированной рубке – два пулемета «М2», смотрящих вправо и влево. Своего рода плавающий танк, повстанцы боятся его едва ли не больше, чем вертолетов. Единственная проблема – из-за ширины он не может идти по узким протокам. Стреляют из него, обычно поставив носом к берегу, иначе отдача такая, что никакой точности и в помине быть не может. Но если «Тендерстик» работает – это нечто, он километров на двадцать добивает, а дальше чем на двадцать километров мало кто уходит от дельты реки. Там – красная зона, сплошная

красная зона, территория, где не действуют никакие законы.

– Сэр, что делать в случае обнаружения группы?

– Как маленькие... Немедленно отходите к реке, подавайте сигнал бедствия...

– Черт... Лучше бы нас и по реке вверх доставили.

– Там от берега до берега – камнем докинуть.

– Ну, не скажи...

Речная война. Первыми с ней столкнулись британцы во время действий в Судане, потом с этим разбирались русские в долине Тигра и Евфрата, потом североамериканцы – им пришлось воевать в юго-западной части Тихого океана. Индокитай, часть французского наследия, за обладание которым разгорелась страшная, чуть не переросшая во вторую мировую война. Речная война – война, переворачивающая всякие представления о действиях на воде. Малые речные суда – бронированные катера, мониторы, подобные тем, какие использовались в североамериканскую гражданскую войну, лодки STAB⁶. Плоскодонки с авиационным винтом и пулеметом, способные нестись по воде, по болоту и даже по земле. Патрулирование протоков, болот, высадка и эвакуация малых разведывательных групп. Североамериканцы имели

⁶ Seal Team Assault Boat – лодки фирмы Boston Whaler, «Бостонский китобой». Широкие, почти плоскодонки по форме днища, с двумя моторами воздушного охлаждения и очень высоким бортом. Вооружение – один пулемет, рассчитаны на 4–6 бойцов. Широко использовались во время войны в Индокитае и войн в Центральной и Южной Америке.

самый большой среди всех крупных держав опыт активных действий на речной воде, но война на Амазонке, крупнейшей реке мира, была столь обширной, активной и страшной, что подобного не могли припомнить даже ветераны войны в Индокитае, стоившей американцам больше ста тысяч жизней.

Началось с вечера, уже стемнело. Они спустились вниз, к наплавному причалу, по раскачивающимся под ногами сходням, к уже прогревающим дизели⁷ боевым лодкам. На пулеметах, которые были установлены на лодках, стояли глушители, – намечалось скрытое проникновение, и грохот «большой мамочки»⁸ подсказал бы скрывающимся в джунглях ублюдкам, что идет смерть. Снимать пулеметы, оставляя лодки безоружными, было недопустимо, никто бы на это не решился.

Над рекой, разрывая темноту грохотом реактивных двигателей, проносились флотские истребители-бомбардировщики с авианосца «Рональд Фолсом», на подкрыльевых держателях – кассетные бомбы и баки с напалмом. Намечалась классная вечеринка где-то дальше по течению – но это была не более чем операция отвлечения.

– Распределить сектора обстрела, подготовиться к движе-

⁷ На боевых лодках стояли именно малые морские дизели, их поставили после того, как обнаружили, что под обстрелом гражданские лодки с бензиновыми моторами вспыхивают, как свеча.

⁸ Пулемет «М2», «Браунинг» – одно из прозвищ. На него и в самом деле разработаны глушители, правда, позволяя стрелять они только короткими очередями и полностью выстрелы не глушат.

нию!

– О несравненная Леди Би! – с трагическим надрывом в голосе крикнул кто-то. – Идущие на смерть приветствуют тебя!

– Ну... по машинам, и не убий... – сказал еще кто-то.

Нервы у всех были на пределе, дурные предчувствия перехлестывали через край. Обе лодки, отвалив от причала, направились в ночь – и Леди Би вскоре осталась во тьме за кормой. Как принцесса – ждать своих паладинов...

Ходко пройдя почти пять десятков километров по основному руслу реки, две боевые лодки свернули в одну из протоков. Их было столько, что до конца в системе притоков Амазонки не разбирались даже самые опытные речные лоцманы. Ко многим точкам можно было подойти несколькими путями, а североамериканские специальные силы ходили по GPS, лишь приблизительно понимая свой маршрут и высаживая бойцов там, где, по мнению лоцмана, до точки было ближе всего.

Машинист Райан Патон по кличке Рэ лежал на самом опасном, правом борту лодки, почему-то три четверти нападений совершались именно с правого борта. Автомат Калашникова был направлен стволом на зловещую черноту джунглей примерно в пятидесяти футах от борта, лодки шли медленно, чтобы видеть возможные препятствия впереди и иметь возможность отреагировать на них. Индейцы, недо-

вольные вторжением чужаков в свое жизненное пространство, рубили деревья, которые перекрывали такие вот протоки, можно было нарваться и на крокодила, самые крупные из которых были длиннее лодки. На носу головной лодки лежал впередсмотрящий, единственной задачей которого было смотреть за тем, что находится перед носом лодки, наученные горьким опытом катерники поставили на носу головной лодки что-то вроде плуга, чтобы не врезаться в дерево носом лодки. Пулеметчики держали джунгли под прицелом, на головной – правую сторону, на замыкающей – левую. Все молчали...

Джунгли были перед ними, жестокие и страшные. Сложно было представить себе размеры всего бассейна Амазонки и ничтожность тех сил, которыми они пытались хоть что-то здесь контролировать. Это было как комар, пищащий где-то в доме...

Внезапно протока расступилась, из гнилой болотины она превратилась в что-то, напоминающее реку, с едва текущей, но чистой, не заиленной, заболоченной водой. Расстояние между берегами было около двухсот футов, но самое главное – по берегам теперь было не зловонное, дышащее испарениями болото, а твердая, поросшая лесом земля.

Ни один из них раньше здесь не был. Не исключено, что этой протоки вообще не было на карте...

Лодки не увеличили, а еще больше снизили скорость.
– Внимание! На час!

Один из наблюдателей, по правому борту, заметил впереди, на пологом склоне, что-то, чего не должно было здесь быть. Свет – и не светляков с фосфоресцирующими брюшками, которые здесь водились, а что-то напоминающее вспышку света мощного аккумуляторного фонаря. Он светил не в их сторону, вспыхнул и погас – но этого было достаточно...

Пулеметчик развернул в угрожающем направлении свое носовое орудие, положил палец на клавишу включения мощного прожектора, спаренного со стволом.

Рэ тоже прицелился в угрожающем направлении из своего «калашника» – он что-то видел, но не мог понять, что именно.

– Впереди – замаскированное орудие врага. Делаешь тихо. Дэ, ты солируешь. Веди наблюдение. Пулеметчикам – готовность.

Дэ, их снайпер, расчехлил свою винтовку, приводя ее в готовность. Это была стандартная для флотского спецназа «Мк11» с глушителем и всеми видами прицелов, она отлично работала ровно до того момента, как в нее не попадала грязь. Но ничего лучше у них не было.

– Есть... четыре... пять. Их пять...

Несмотря на то что моряки предприняли меры предосторожности – их катера были похожи на плавучие островки из водорослей, – их все же заметили. Автоматная очередь глухо прогремела над рекой.

– Огонь!

Снайперская винтовка, четыре автомата и крупнокалиберный пулемет изрыгнули огонь практически одновременно, через секунду к ним присоединились огневые средства второй лодки. На всем оружии были глушители, поэтому трассеры летели через реку почти бесшумно и врезались в берег, в обнаруженное укрытие, рикошетировали от чего-то, гасли, врезаясь в древесные стволы – и все это было похоже на фейерверк в День независимости. В ответ со стороны берега загрохотали два автомата, причем один – с дерева, стоящего в сотне футов от обнаруженной позиции, но их быстро подавили. Крупнокалиберный прошелся по тому месту, откуда стрелял автоматчик-наблюдатель, и все увидели, как тело рухнуло с дерева на землю, а через секунду еще одна пуля подрубила и сам древесный ствол, видимо, источенный изнутри паразитами.

Впереди, на обнаруженной и обстрелянной позиции, что-то вспыхнуло...

– Выдвигаемся! Увеличить скорость! Следить по берегам!

Все понимали: позиция наблюдателей здесь не просто так, впереди что-то есть, и скрытность утрачена. Но их было достаточно, чтобы разобраться с любыми ублюдками, скрывающимися в джунглях, и, может, так даже лучше – что их обнаружили. Теперь они смогут вступить в бой, а не гоняться за призраками по колено в воде...

Лодки пошли намного быстрее, так быстро, как это позволяли правила безопасности, вода здесь была намного чище,

чем в заболоченной протоке. Они прошли еще с полмили, потом неожиданно увидели противника, теперь уже на левом берегу – трое, с автоматами. Срезали их сосредоточенным автоматно-пулеметным огнем. Пошли дальше. Джунгли просыпались – они увидели взлетевшую над горами ракету, слышали то тут, то там автоматные очереди. Тихо пройти уже не получится.

– Точка высадки в двух минутах, – сказал лоцман, – дошли.

– Точка высадки, всем приготовиться!

Только сейчас выяснилось, что ранен Джуто. Джуто, молодой «тюлень» из Коронадо, пришел в группу буквально на днях, это был первый его выход. Он был так раздосадован тем, что пуля пробила бортовую броню из кевларового мата и неудачно попала, повредив руку выше локтя, что так и сидел, сжав зубы и затянув встроенный в костюм жгут. Роселли обнаружил, что что-то не так, только когда до точки высадки было меньше минуты.

– Джуто? Мать твою, что с тобой?

Лицо парня было белым как мел, но он держался.

– Сэр, я... не хотел.

– Чего?! Док, осмотри его!

Док, долговязый уроженец Вермонта, быстро переместился в хвост лодки. В спецназе воюют все – поэтому «калашников» с подствольником был и у него.

– Ну-ка, показывай...

– Сэр, я... не хотел.

– Ты что, Джутто, охренел совсем?! Выход в поле хоть одного бойца в состоянии менее стопроцентной готовности может повлечь за собой гибель всей группы, мать твою! Тебя что, этому не учили в Коронадо?

– Учили... сэр... я все равно пойду.

– Док?

– Кость не задета. Сустав тоже. Но попадание хреновое... – заключил Док. – Пару недель поваляется. И не на Леди Би.

Из-за сырого и гнилого климата ранения, полученные здесь, заживали медленно и с осложнениями. Не дай бог, если схватишь пулю, а потом окажешься в кишасей микробами воде. У местных индейцев было какое-то средство, местное и очень действенное, но у североамериканцев его не было.

– Так, все с тобой ясно, парень. Давай ружье.

Как и всякому новичку, Джутто вручили ружье Атчиссона⁹, страшно тяжелую и предельно эффективную в джунглях вещь. Из него можно было стрелять, особо не целясь, и тот, кто владел этим ружьем, под огонь попадал первым, пото-

⁹ Ружье Атчиссона – с виду похоже на «M16» под двенадцатый калибр, но это не так, конструкция совершенно другая. Полуавтоматическое ружье со свободным затвором, имеющим очень длинный ход, с режимом автоматического огня. Магазины на пять, семь и барабанный – на двадцать патронов. Насадка «утконос», позволяющая получать контролируемую дробовую осыпь. На ближней дистанции – опаснее пулемета, в джунглях незаменимо.

му что шел впереди всех, в первой паре, прокладывая путь остальным. Этакая дедовщина.

– Сэр, это мой первый выход, и я...

– Возвращаешься с катерниками, – заключил за молодого Роселли, – и только попробуй через две недели не встать в строй. Будешь симулянтом и дезертиром. Барби, возьми его ружье. И патроны. Пригодится.

Они высадились на берег, левый берег, и почти сразу попали под огонь. Ни о какой скрытности не могло быть и речи.

Стреляли по ним тоже неприцельно – тут были целые заросли какой-то местной травы, выше пояса, кустарники и деревья. Били наугад, из нескольких автоматов – и катерники, разворачиваясь для возвращения, дали жару из своих «больших мамочек». Помогли, чем смогли...

– Мать...

Роселли отстрелял половину из того, что у него было в барабане «ММ-12», наполненные белым фосфором гранаты вспыхивали кострами, рассыпались белыми, яростными искрами, прожигаящими мясо до кости...

– Черт, Рэ! Тщи сюда свою задницу!

Машинист Патон, занявший позицию у самого берега реки, пригибаясь, чтобы скрываться в траве полностью, перебежал к своему командиру. Где-то рядом плюхнулись Кот и Пугач – они следовали за командиром тройки как привязанные...

– Ублюдки... – злобно выругался Роселли, – нас прижмут к берегу, а задачу выполнить надо. Поэтому, б... бери Барби, Дэ и Карла. Двигайте в обход, сориентируетесь по компасу. Лагерь, по данным разведки, в двух милях к востоку. Не шумите, попробуйте все сделать тихо. Пусть Дэ и Карл подождут нас, потом попробуют подавить пулеметчиков и снайперов, они там должны быть, лагерь выглядит серьезным. Мы пойдем тем путем, каким и наметили. Въехал?

– Так точно, сэр.

– Тогда шевели задницей. Удачи.

– И вам, сэр. Пошли.

Две тройки – но состав одной из них необычен. В тройку Патона помимо него самого входили старшина-электрик Том (Кот) Котлер, беззаботный калифорниец, бывший пляжный спасатель и чернокожий уроженец Детройта рулевой первого класса Рик (Пугач) Браун. Барби, Грег Барб – неплохой разведчик, умеет быстро и метко стрелять, обращаться с тяжелым вооружением. Помимо ружья Атчиссона – вооружен короткоствольным «АК» с подствольником, по его словам, не любит таскать излишний груз. Дэ и Карл снайперы. Дэ так и не сменил штатную «Мк 11» на что-то более подходящее, а вот Карл вооружился валлонским снайперским BAR¹⁰ – мощная дрянь, сделанная на основе охотничьего ка-

¹⁰ Сейчас это называется FN FNAR, но описываемая винтовка мощнее, под 300 WinMag, и появилась раньше, еще в семидесятых. Состояла на вооружении

рабина и под патрон, более мощный, чем армейский. Из такой штуки можно спокойно работать на тысячу метров, в джунглях это ни к чему, но Карл привык к такому оружию со времен вертолетных патрулей и не менял его ни на что другое.

Шесть человек. Машинист разделил попавших ему в подчинение людей на три пары, чтобы было безопаснее идти. Командир должен идти в середине, но он пошел первым, в паре с Барби, потому что у Барби было ружье и он должен был идти первым. И потому что Барби не из его тройки, поэтому он ему не совсем доверял. Остальных своих людей он поставил в пару к снайперам, Кота – к Дэ, Пугача – к Карлу. Обычная практика – снайпер уязвим к внезапному нападению с близкой дистанции, его кто-то должен прикрывать. Удаление – на прямую видимость.

Они шли совсем не туда, куда нужно было идти, отклоняясь на юго-восток, чтобы потом зайти на врага с неожиданной стороны. Трава была по пояс, не было видно, что находится на земле, поэтому Рэ пробовал пространство впереди посохом, Барби прикрывал его с ружьем. Идти получалось в темпе нормального шага, но не быстрее, хорошо, что под ногами была твердая почва, а не болотина по пояс. Вряд ли пространство на таком удалении от лагеря заминировано.

во многих странах и даже закупалась одно время Российской Империей. Для армии САСШ удобна тем, что в этом мире их «M24» сразу делалась под этот же патрон.

но растяжками, но всякое может быть, и никакая предосторожность не является лишней. Звуки боя все удалялись от них, он хорошо знал, что местные вояки, как только начинается стрельба, все бросаются к сектору, где идет бой, оголяя остальные. Не раз и не два они этим пользовались: отвлекающий удар, потом основной.

– Ш-ш-ш...

Машинист узнал голос Карла – условный сигнал, обозначающий опасность. Как и было принято, они, он и Барби, медленно, не делая никаких резких движений, присели – и скрылись в траве. Только что они были – и вот их уже не было.

Карл, сержант Карл Гендерсон, парень из дурного пригорода Фриско, которого флот спас от тюрьмы и, возможно, от электрического стула, заметил опасность первым. Он был снайпером и рассуждал как снайпер, обязанность проверять, что было впереди, лежала на Рэ и Барби, это было не его дело, он вверял им свою жизнь, и это было нормально и правильно. В джунглях не выжить поодиночке. Его же задачей было вовремя отследить одну из самых страшных опасностей в джунглях – снайперов. Они все приближались к точке, обозначенной как крупная база повстанцев, и он знал, что где-то здесь должны быть снайперы. Поэтому он смотрел на деревья, на их верхушки, понимая, как укрывался бы там он. И в конце концов нашел то, что искал...

Снайпер был в гнезде. Обычная конструкция, они продаются в магазинах как охотничья принадлежность, никого это не волнует. Сборная, крепится к дереву, накрывается маскировочной сетью. Человека в такой конструкции не видно уже метров с тридцати. Но это если он настороже, если он исполняет устав караульной службы и не курит.

А этот – курил. Чертовы бразильцы, они никогда ничего не делают так, как надо. Бразилец – не немец, если немцу приказать не курить, он умрет, но не закурит. Бразилец закурит, как только ты отвернешься, они здесь привыкли жить бесхитростно и с удовольствием. В Аргентине – там уже три десятка лет командуют германские офицеры – армия намного боеспособнее и опаснее.

– Ш-ш-ш...

Сипение в эфире было похоже на шипение змеи, Карл видел, как идущие перед ними Рэ и Барби исчезли в траве – они должны сменить позицию, прежде чем поднимутся. Его выход, его очередь...

Для подобных случаев у Карла была очень удобная штука, привязывается к стволу дерева и держится на нем, подставка для ствола. Держать винтовку в пять килограммов весом на руках – занятие не из приятных, а лишняя точка опоры намного повышает точность стрельбы.

Пугач присел чуть в стороне, готовый выстрелить из подствольного гранатомета. Карл перехватил ствол лентой, опер винтовку, навел перекрестье прицела на «охотничью засид-

ку». Явно немецкая конструкция и сделана просто великолепно, тут даже прямых линий никаких нет, все части конструкции покрыты специальной пластиковой пеной, чтобы выглядеть наподобие шершавой коры. Перекрестье прицела замерло на верхней трети «засидки».

Винтовка толкнула в плечо, с лязгом сработал затвор, выбрасывая гильзу. Карл прицелился снова, но смысла стрелять еще раз уже не было – он видел, как из засидки вылетело тело человека и, с треском сломав несколько веток, плюхнулось в травяной ковер. Ответных выстрелов с других возможных позиций не последовало...

Парень был не бразильцем, а индейцем. Темная кожа, характерный разрез глаз, невысокий. Иногда индейцев нанимали боевики, использовали их для сидения на таких вот передовых постах, потому что мало у кого хватит терпения сидеть вот так вот по суткам, а то и больше. Карлу, когда он увидел тело, стало неприятно – индейцы были примитивными, как дети, почему-то убивать их было неприятно, хотя и выхода другого не было. У убитого индейца была старая, со следами ржавчины автоматическая винтовка аргентинского производства, годная только для того, чтобы выстрелить и подать сигнал тревоги, возможно, он и стрелять-то из нее толком не умел. Тело индейца оттащили в сторону, из винтовки вынули затвор и выбросили подальше. Потом пошли дальше – уже намного осторожнее...

– Гидра, я Альфа-четырнадцать. Наблюдаю лагерь... тут до черта ублюдков. В лагере до пятидесяти замаскированных строений, наблюдаю пулеметные гнезда... пять пулеметных гнезд, замаскированные снайперские позиции и... минометы, сэр. Два миномета ведут огонь.

– Альфа-четырнадцать, аутентифицируйте себя.

– Гидра, Кайман-четырнадцать на сегодня.

– Альфа-четырнадцать, вопрос – что с основной группой?!

В эфире раздался голос Роселли, его характерный итальянский прононс нельзя было не узнать.

– Гидра, я Альфа-четырнадцать. Мы обнаружены, пробираемся к лагерю. Здесь до черта танго, я даже не могу сказать сколько, мать твою. Они по обеим берегам, просто кишат.

– Альфа-четырнадцать, я Гидра, на операцию пришел красный свет, повторяю – запрет, запрет, запрет для второго этапа. Большие парни не могут подняться с Кубы, там сейчас какой-то б...ский муссон, мать его. У нас нет второго этапа, приказываю отступать. Т-стики уже вышли на поддержку, как поняли?

– Гидра, у меня тут есть убитый и до черта раненых, в том числе и я сам. Нас прижали, мы держим линию и даже наступаем. Но если мы будем отступать, то нас перебьют, вот и все, что будет. И у меня группа у самого лагеря, шесть человек, она не успеет отступить.

– Альфа-четырнадцать, что предлагаете, прием?

– Гидра, предлагаю атаковать этот проклятый лагерь без больших парней, вот что я предлагаю, сэр.

– Альфа-четырнадцать, – на станции Гидра поменялся оператор, микрофон взял сам командер Марсинко, – вы понимаете, о чем идет речь? Вы собираетесь атаковать малыми силами лагерь, который предназначен к уничтожению стратегической авиацией. У них будет перевес сил в несколько раз и тяжелое вооружение.

– Сэр, эти ублюдочные минометы уже ведут огонь и по нам, и по своим позициям, хуже, чем есть, не будет. Потом вы эвакуируете нас вертолетами, мы подавим опасные для них цели, это будет быстрее.

– Альфа-четырнадцать, оставляю вопрос на ваше усмотрение. Т-стики уже вышли и идут к вам.

– Гидра, мы атакуем лагерь. И пошло все к черту...

– Готовность?

– Первый готов.

– Второй готов.

Номера сейчас были только у снайперов, только они сейчас могли переломить ситуацию в свою пользу. Без снайперов – остается только отходить.

– Том, на связи Рэ. Мы готовы, – доложил машинист, занявший позицию за толстым стволом дерева.

– Мы примерно в полумиле от лагеря, продвигаемся в час

по чайной ложке!

– Том, предлагаю начать нам, прямо сейчас. Мы ослабим оборону и выбьем минометчиков. Потом вы поднажмете.

– Рэ, не уверен, что смогу поднажать. Тут до черта разного дерьма передо мной.

– Том, тогда идите, как сможете. Но минометы и пулеметы нужно подавить прямо сейчас.

– Рэ, делай как хочешь, упрямый сукин сын. Я помогу, как смогу.

– Принято. Мы их сделаем, сэр.

Карл не стал лезть на дерево, потому что если он полезет на дерево и его обнаружат, его снимет первый же пулеметчик. Вместо этого он залег на земле и сейчас рассматривал увеличенную в двенадцать раз минометную яму. Сделали грамотно – яма примерно в два метра глубиной, борта разбиты на пронумерованные сектора. Там – миномет, кажется, восемьдесят два миллиметра, чертовски неприятная штука, особенно если на твердой земле и мины с белым фосфором. «Тендерстики» его подавят, у них сто двадцать миллиметров – но Т-стиков не было и со всем этим придется разбираться им самим.

Прицелившись в зеленый ящик с минами, Карл уже хотел нажать на спуск, но почему-то передумал. Перевел прицел чуть выше, прицелился в обтянутую зеленой рубашкой спину минометчика и нажал на спуск.

Минометчик, державший в руках тяжелую мину хвостовиком вниз, буквально рухнул вперед, сшибив весом своего тела миномет с подставки. Второй номер тупо посмотрел на него, на дыру в спине, из которой толчками вытекало что-то красное, потом повернулся, чтобы бежать, – и упал с пулей в груди сам. Трехсотый калибр, разработанный первоначально как охотничий патрон и лишь потом приспособленный для снайперских винтовок, буквально вскрывал жертву, повреждая ей внутренности и делая смертельным почти любое ранение.

Переведя винтовку дальше, Карл выстрелил еще раз, сбив с ног одного из пулеметчиков, – и тут оставшиеся начали кое-что понимать. Лагерь был капитальным, просто удивительно, что его не обнаружили при воздушной разведке – и на наиболее вероятных путях прорыва были выставлены пулеметные гнезда. Но проблема была не в этом, там был очень узкий сектор обстрела. А вот выехавший неизвестно откуда грузовичок, в кузове которого на турели стояла пулеметная установка с крупным калибром – вот это была проблема.

Стрелять было сложно – для маскировки боевики оставили нетронутыми деревья, образующие верхний ярус джунглей, вырубили только подрост первого яруса, и стволы великанов в два человеческих обхвата толщиной мешали стрелять как пулеметчику, так и снайперу. Но снайпер видел цель, а пулеметчик свою цель не видел, он вел беспорядочный огонь, так и не поняв, где именно находится снайпер.

Карл, просчитав замысловатую траекторию движения грузовичка между стволами, снял водителя – от попадания пули лобовое стекло пошло трещинами и что-то темное брызнуло на него изнутри. Пулеметчик, кажется, в последнюю секунду своей жизни успел найти снайпера, навел на него ствол своего грозного оружия с зенитным, ракурсным прицелом и даже успел выстрелить. Но пуля прошла над головой залегшего Карла, а вот пуля снайпера попала боевику в грудь и отбросила его от пулемета.

Слева подал голос автомат, потом во всю мощь – ружье, и Карл понял, что скрытность полетела ко всем чертям и сейчас кто убьет больше, тот и останется в живых. Фигуры в зеленом мелькали между мшистыми неохватными стволами деревьев, стреляя на ходу...

И падали.

Они прорвались через кустарник и заросли, которые взрослому человеку были по грудь, – бросая гранаты, потому что впереди, в этих чертовых зарослях, мог скрываться кто угодно, и этот кто-то мог подойти незаметно на удар ножом. Потом кустарник и заросли внезапно исчезли, как будто уничтоженные дефолиацией¹¹, но старые столетние великаны с роскошными кронами стояли нетронутыми, и поэтому внизу был по-прежнему полумрак, вне зависимости от времени

¹¹ Разбрызгивание ядохимикатов, уничтожающих растительность. Применялось во Вьетнаме.

суток. Рассвет уже наступил, только тут царила вечная ночь.

Уже были потери. Погибшего оставили у реки, тащить с собой не было никакой возможности...

Спецназовцы выстроились в порядок прикрытия периметра...

Черт, вот уж не знаешь, что хуже – то ли растительность по грудь, позволяющая скрыться и тебе, и врагу, или вот такой вот голяк. А ведь тут и мины могут быть, чтоб их...

Они увидели колею. Судя по размерам этой колеи, по ней мог вполне пройти легковой автомобиль, внедорожник или пикап.

Вот тебе и вся воздушная разведка – разом. В джунглях она ни черта не работает.

Местность шла вверх – от реки. Почва выглядела достаточно сухой, не заболоченной.

– Выдвигаемся, – Роселли указал направление, – перебежками – вперед.

Первые пару сотен метров они прошли нормально, потом впереди прогремел взрыв – и заговорили в несколько голосов автоматы и пулеметы. Взрыв был достаточно сильный – не граната, не мина.

И тут же – несколько автоматов и пулеметов ударили по ним...

– Продвигаемся! Продвигаемся!

Кто-то бросил гранату с белым фосфором – ослепительный фонтан встал по фронту, кто-то дико закричал. Почти

не смолкало ружье, и на левом фланге глухо бухтела «свинья» – пулемет «Мк43», прозванный так за сварливый характер и неторопливость...

Вот тут-то Роселли пожалел, что у них было только два снайпера и обоих он отдал в группу охвата. Кажется, что снайпер в джунглях не нужен, а вот сейчас им именно снайпера и не хватало...

Тем не менее они продвигались вперед.

Едва увернувшись от автоматной очереди, старшина занял позицию за заросшим мхом гигантом, за которым могли спрятаться пятеро таких, как он, – и в этот момент перекрещенный трассерами полумрак джунглей прочертила, оставляя за собой полосу серого дыма, ракета и взорвалась, воткнувшись в одно из деревьев. Видимо, они были у самого лагеря, если пошли в ход РПГ.

– Связь! Связь!

Связист, рискуя жизнью и отстреливаясь из короткоствольного автомата, перебежал к командиру, плюхнулся рядом. Места им двоим за деревом – вполне хватало...

– Связь установлена, сэр.

Главный старшина схватил гарнитуру рации, в этот момент рядом что-то взорвалось, и их осыпало землей и щепками от дерева.

– Мать твою, Гидра, я Альфа-четырнадцать, прошу срочной связи! У меня экстренная ситуация, прием!

– Альфа-четырнадцать, я Гидра, слушаю тебя.

– Гидра, я Альфа-четыренадцать, фаза один выполнена, выполняем фазу два, сопротивление намного выше расчетного, повторяю – намного выше расчетного. У нас впереди до пяти – ноль танго, повторяю – до пяти – ноль танго, с пулеметами и гранатометами. Сильно укрепленные позиции, как поняли?

– Альфа-четыренадцать, понял вас, продолжайте.

– Гидра, лагерь недоступен с воздуха, повторяю – недоступен с воздуха, он ни черта не разведан, и тут они кишмя кишат. Мне срочно нужны большие парни с Сальвадора, Кубы или еще откуда-то или хотя бы поддержка с авианосца. Мне срочно нужна авиаподдержка, как поняли, прием?

– Альфа-четыренадцать, красный свет, красный свет. Там муссон, большие парни не могут подняться в воздух, прием. Парни с авианосца будут готовы, но не ранее, чем через шестьдесят майк, как поняли?!

– Гидра, мы не пробьемся к лагерю через этот огонь, прием.

– Альфа-четыренадцать, если не можете пробиться, отступайте к реке, занимайте оборону и ожидайте эвакуацию, прием.

Вот ублюдки. Как будто они не знают, что при отступлении будут еще большие потери, чем при наступлении.

– Гидра, мне срочно нужна любая поддержка. Я попытаюсь закрепиться на позиции, прошу немедленно сообщить о наличии любой поддержки, красным кодом, прием.

– Альфа-четырнадцать, вас понял, отбой.

Как всегда – их подло подставили. Как всегда – им придется выкручиваться из этого дерьма самостоятельно.

И, как всегда, – они выкрутятся.

– Держать линию! Держать линию!

Оставалось надеяться только на то, что Рэ и снайперы выйдут к лагерю необнаруженными и обстановка позволит им отработать по целям...

Кайман-четырнадцать, позывной, под которым работал Рэ, вышел на связь через несколько минут, доложил о том, что начинает работать. Почти одновременно с этим Гидра сообщила о направлении в район проведения операции «Тендерстиков», бронекатеров с минометными системами. Стодвадцатимиллиметровая мина позволяла отлично работать в джунглях, если только местность не была совсем уж болотистой. Наличие хоть какой-то поддержки радовало.

– Начинаем движение! Перезарядиться, и вперед!

Пулеметчики перезарядили «свинью» и «Стоунеры», патронов к дробовику почти не осталось, по джунглям плыл сизый пороховой дым и гарь. Впереди уже что-то горело, загорелось от белого фосфора...

– Вперед!

И морские спецназовцы все вместе обрушили на противника лавину огня, продвигаясь в линию вперед...

Карл увидел отступающих. Не наступающих на него боевиков – с ними должно было разбираться прикрытие, а именно отступающих, бегущих людей, они бежали направлением с востока на запад – то есть именно с того направления, с которого должна была подходить основная группа. Это было интересно, тем более что они не ожидали удара с фланга.

Дэ со своей винтовкой уже работал, одетые в зеленое боевики противника отступали, огрызаясь огнем, перебежали, на мгновение задерживаясь за иссеченными осколками стволами деревьев, и падали, потому что были отлично видны снайперам. Карл застрелил одного, потом второго, потом ему удалось свалить пулеметчика – в отличие от остальных он был не в легкой зеленой куртке, а голый по пояс, с пулеметными лентами. Это было так просто, что даже неинтересно. Боевики получали удар оттуда, откуда не ждали, и падали, убитые точными выстрелами.

– Они бегут!

В этот момент совсем рядом рванула граната, Карла осыпало землей, бросив ему ее прямо в лицо. Взрыв был настолько неожиданным и сильным, что он выпустил винтовку из рук и выхватил пистолет.

– Они отступают! Бегут!

Снова забухало ружье, и где-то впереди и справа вырос фонтан огня фосфорной гранаты. Потом забухтел крупнокалиберный – и почти сразу же смолк, то ли Дэ достал, то ли кто-то из наступающих. Карл стрелял из пистолета – и видел,

что попадает...

– Вашу мать...

Старшина свирепо уставился на ткнувшийся носом в ствол грузовичок. В кузове стояла пулеметная спарка американского производства.

– Откуда ублюдки это взяли?

Один из спецназовцев запрыгнул в кузов.

– Сорок второй год, сэр, снято с бомбардировщика. И коллиматор бомбардировочный был, потом его на зенитный прицел заменили. И лент полно.

Все понятно. В свое время САСШ продали Бразилии свои старые «Б29», они использовались для разных целей, в том числе для бомбежки племенных территорий в Амазонии и в последней Аргентино-Бразильской войне за Парагвай и территории. Пулеметы оттуда, там на каждой машине их море было, по десять-двенадцать штук. А теперь они оказались в лесу...

Кто-то сунулся в кабину, выбросил тело водителя с половиной головы, присвистнул. Потом перебросил главному старшине валлонскую десантную винтовку со складным прикладом.

– Парень был явно не из бедных, сэр.

В основном здесь имели хождение «калашниковы», в том числе дешевые африканские копии, в основном под патрон 7,92.

– Так, прочесать здесь все. И посмотрите, что с пулеметными установками. Возможно, мы доедем на этой тархтелке до самой воды...

– Сэр! Сэр, здесь что-то...

Крик одного из спецназовцев в рацию прервала короткая и глухая автоматная очередь...

– Периметр! Обеспечить периметр!

– Есть!

– Доклад, доклад!

– Сэр, здесь паучья нора! Здесь паучья нора!

Грохнул взрыв – уже граната. Так и есть – почва сухая, достаточно сухая, чтобы здесь были паучьи норы. Главный старшина застал Индокитай и надеялся, что никогда больше не встретится с норами.

А вот встретился...

– Северный сектор, сэр!

Когда главный старшина Роселли подбежал к тому месту, где нашли паучью нору, он увидел троих «тюленей», столпившихся возле нее – но не подходящих близко. И одного, которому оказывали помощь...

Загремела еще одна автоматная очередь – на сей раз южнее.

– Главный, что там?

– Сэр, кажется, там кто-то был!

Все на взводе – неудивительно, что всем кажется.

– Снайперам занять позиции. Готовность к отражению атаки. Наблюдатели, прикройте.

Подбежали еще двое «тюленей».

– Цел?

Раненый криво усмехнулся:

– Да, сэр. Этим ублюдкам не заставить меня врасплох.

Док одними глазами подтвердил – ничего особо страшного.

– Нужно лезть вниз.

Паучья нора...

Они бывают самые разные, в бассейне Амазонки их не так-то много, потому что почва сырая и слишком много корней, которые затрудняют копание этих самых нор, но в лагерях они есть, часто бывает так, что лагерь зачищают и уходят, даже не подозревая, что под их ногами – еще один лагерь, возможно, больший по размерам, чем первый. Это и есть паучья нора – иногда она такая, что можно идти пригнувшись, иногда – можно ползти, как змея, протискиваясь между переплетением корней...

Те, кто ходит вниз и зачищает паучьи норы, особенные люди, они есть в каждом подразделении – группа со специальной подготовкой, в Индокитае этим занималось обособленное подразделение. Тоннельные «крысы». Сейчас группа, обученная по программе «крыс», имелась в каждом отряде.

Револьвер. Пистолет не подойдет, «крысам» нужно безотказное оружие, способное работать, даже если оно полежало в грязи или в воде. Для «крыс» выпускался бесшумный тоннельный револьвер «ААI» на базе «Смит-Вессона», еще с собой брали укороченные помповые или другие ружья, тоже под специальный бесшумный патрон¹². Пользовались популярностью револьверы 410-го калибра, аргентинские «Доберман» и североамериканские «SW Governor» и «Тендер-Пять» со сменными барабанами. В них можно было вставлять патроны стандартного 45-го калибра, дробовые 410, хорошо шедшие в пещерах и против змей, и специальные, бесшумные, у которых пуля выталкивалась поршнем.

Фонарь. Фонарей обычно брали два – один мощный, аккумуляторный, на группу, и у каждого – небольшой, светодиодный, не боящийся сырости. Некоторые «крысы» брали с собой фонарь-налобник, но не вешали его на голову, а крепили наподобие часов к левой руке, только «циферблатом» вниз, а не вверх. Удобно светить, а если нужно – можно направить луч к себе или прижать руку к земле, к одежде, чтобы не светиться. Некоторые «крысы» вообще действовали без фонарей – для того, чтобы в пещерах погибнуть, достаточно было порой светящегося циферблата часов.

Гранаты. Ни одна из штатных гранат не годилась для использования в подземных тоннелях, она убивала всех и часто вызывала обвал. Гранаты изготавливали вручную, с за-

¹² И то и другое существовало в нашем мире, применялось во Вьетнаме.

рядом в четверть от обычного. Некоторые ухитрялись делать гранаты из патронов десятого калибра.

Ножи. Кто-то брал с собой нож, кто-то заточенную саперную лопатку, кто-то даже мачете. Пользовался популярностью старый стальной колышек от палатки, заточенный и обмотанный посаженной на клей веревкой. В тоннелях водились змеи, были и специальные ловушки со змеями – этот колышек был хорош как шуп.

Газ. Кто-то применял газ, кто-то нет. Газ глушил не разбирая, вынуждая и «крыс» надевать газовые маски. В газовой маске и слышно, и видно плохо, а местные научились спастись от газа, применяя водяные затворы, – тоннель резко шел вниз, потом вверх, и все это место заливалось водой. Тем не менее кто-то использовал газ, либо слезоточивый, либо нервно-паралитический, запрещенный. В тоннелях было можно все – никто не полезет проверять.

Связь. Ни одна стандартная рация не могла гарантировать уверенный прием под землей. Выкручивались по-разному. Кто-то брал старый проводной телефон, кто-то пытался обойтись обычной связью, кто-то и вовсе не брал ничего, уходя в неизвестность.

Обмундирование. Всегда по-разному. Если проникновение в пещеры планировалось, обычно надевали пятимиллиметровый костюм легкого водолаза. Если пещера попадалась случайно, то лезли в том, что на тебе.

Хитрости. У каждого свои – хочешь в живых остаться,

чего только не придумаешь. Фонари на раскладных удилищах, чашки на таких же удилищах, в которые закладывали гранаты. Гранаты с тридцатисекундным замедлителем. Даже карманные огнеметы, размером со стандартную армейскую фляжку.

Рэ, Диггер, дядя Том и Кот. Четверо бойцов специальной группы SEAL, прошедших подготовку по программе тоннельных «крыс». Можно было просто уйти, но они знали, что этого не сделают. Сейчас они молча готовились к спуску.

Сам по себе спуск – занятие весьма опасное, что доказывала рана, полученная Крейгом. Для того чтобы хоть немного обезопасить себя – у каждой «крысы» был специальный заряд. Примерно триста грамм тротила на длинном шнуре и, на метр выше, – еще пятьдесят. Суть была в хитром детонаторе – взрыв верхнего, малого заряда происходил на долю секунды раньше, чем нижнего, и как бы «запечатывал» лаз. Раскаленные газы и ударная волна направлялись не вверх, в колодец, а по тоннелю, и все, кто там был, погибали от смертельного избыточного давления и ожога легких. Придумали это русские саперы, столкнувшиеся с тоннелями на Востоке, но там-то твердая земля, а тут – сырость, в любой момент может все рухнуть. Поэтому заряд можно было применять далеко не всегда...

Диггер достал из рюкзака зеркальце на длинной ручке, поднес его к обнаруженному колодцу. Дядя Том посветил – фонарем, прикрепленным к чему-то, наподобие небольшого

раскладного удилища.

– Нельзя...

Рэ посмотрел в зеркало и утвердительно кивнул – взрыв саперного заряда мог вызвать обрушение тоннеля. Хорошо было то, что взгляд не улавливал стандартных ловушек. Чаще всего бывает растяжка – леска и замурованная в глине граната с выдернутой чекой. Иногда в стене оказывается замурованной змея, иногда – пол колодца, который кажется твердым – на самом деле таковым не является, и под ним находятся стальные или даже бамбуковые острые колья, смазанные ядом змеи. Местные индейцы пользовались также выделениями каких-то рыб, вызывающими мгновенную смерть...

Кот подготовил гранату. Рэ пристегнул к ноге длинную, черную, тонкую веревку со стальным сердечником – так делали все, кто шел первым. У него был саперный заряд – три килограмма, он должен был установить его в тоннеле и подорвать, чтобы вызвать обрушение по крайней мере его части. Все они избавились от всего лишнего, у троих были револьверы, дядя Том с дробовиком «Кольт-Дефендер» должен был прикрывать их, идя последним.

– Полчаса, не больше, – предупредил Роселли, – времени нет.

– Да, сэр.

– Устанавливай заряд – и назад. У меня нет времени возиться здесь.

– Да, сэр.

– Удачи.

Никто не ответил – у «крыс» считалось плохой приметой отвечать на пожелание удачи да и вообще много трепаться перед спуском.

Кот выдернул запал.

– Бойся!

Граната нырнула вниз – хлопнуло, больше это было похоже на выстрел из крупнокалиберного дробовика, нежели на взрыв.

– Чисто!

Рэ нырнул вниз...

Внизу было дымно, он замотал нижнюю часть лица шемахом, смоченным водой из фляжки, надел очки, но все равно щипало глаза, было неприятно. Прыжок вниз – это всегда испытание, тот, кто идет первым, ставит свою жизнь на кон, это опаснее, чем прыгнуть ночью с парашютом на незнакомую площадку. Выставив револьвер вперед, он присел, ожидая всего, чего угодно – от удара заточенной бамбуковой пикой до выстрела из автомата «АК», – но ничего не было. Направив луч света в тоннель, он понял, что в паре шагов от колодца лежит труп.

Это был труп индейца. Полностью голый, если не считать набедренной повязки, но с автоматом «АК». Низкорослые, агрессивные, жестокие индейцы, знающие местность,

как нужник в собственном доме, чувствовали себя свободно и в подземных лабиринтах, это было их преимущество – низкий рост, щуплое телосложение позволяли им передвигаться в подземных городах намного быстрее, чем рослым североамериканцам. Они копали эти города с упорством муравьев, создавая настоящие шедевры подземной архитектуры, с целыми залами, складами, лабиринтами. Но вот сами эти тоннели их научили рыть совсем другие люди, местные индейцы до этого относились к земле со священным трепетом, считая ее матерью. Рыть в ней колодцы значило наносить матери раны, но сюда пришли люди, которые ненавидят североамериканцев, ненавидят их люто и истово, и они научили их копать эти города и убивать североамериканцев – тихо, методично и жестоко. Все знали, кто эти люди, но никто это не произносил вслух. Некоторые отсталые племена считали чем-то похожих на них пришельцев богами¹³.

Индеец был мертв. В свете фонаря кровь на его смуглой коже казалась полосками черного целлофана.

Рэ дважды дернул за шнур и пошел вперед. Это значило – можно спускаться...

¹³ Речь идет, конечно же, об императорской Японии. Война САСШ и Японии за господство в Тихом океане и в Центральной Америке продолжалась с 1965 по 1982 год и протекала предельно жестоко. Основные события разворачивались в Индокитае и на островах, и закончилось все победой Японии. Единственно, чего удалось добиться североамериканцам – это отстоять Центральную Америку и не дать оторвать северную часть Американского континента от южной. На стороне Японии тайно воевали Британия, Австро-Венгрия, Италия и Испания. На стороне САСШ – Российская Империя.

Коридор был не из самых сложных. Примерно четыре-пять футов высотой в разных местах, достаточно широкий, чтобы мог пройти человек. С обеих сторон свод подпирали стояки, сделанные из местного дерева, а кое-где и корни, толщиной с руку и больше. Конечно же, коридор постоянно петлял и просматривался в лучшем случае на пять метров вперед.

Диггер спустился вторым, хлопнул Рэ по плечу и передал ему зеркальце – под левую руку, в правой – револьвер. «Крысе» лучше было бы быть многоруким Шивой, были такие, которые крепили на лоб фонарь, но Рэ так никогда не рисковал. Револьвер в правой руке, и зеркало в левой, оно же сможет помочь отбиться от змеи. Светить должен был идущий вторым Диггер, причем светить так, чтобы Рэ было все видно. Все это отработывалось не раз, и поводом для того, чтобы сменить напарника, могла стать либо демобилизация, либо смерть.

Взведя курок, Рэ осторожно пошел вперед. Пахло дерьмом и могильной сыростью – индейцы испражнялись прямо в тоннелях, иногда даже не закапывая дерьмо. Тоннельный ход шел вверх – в гору, там было возвышение.

Все правильно...

В тоннелях было полно живности. Змеи, почти все ядовитые, в Амазонии змеи либо ядовитые, либо такие огромные, что могут сожрать человека. Могильные летучие мыши, ка-

кие-то многоножки, пауки, в основном тоже ядовитые. Какие-то белые черви, достигающие толщины пальца взрослого мужчины. Говорили, что есть какие-то змеи, способные передвигаться под землей, как черви.

Через десять метров Рэ заметил растяжку, поставлена она была неаккуратно, на белую, хорошо видимую в свете рыболовную леску. Даже не рыболовную – такую леску используют в сетях. Рэ понадобилось около минуты, чтобы снять растяжку, примотав рычаг заранее припасенным куском скотча.

Потом они пошли дальше.

Нападение, как это и бывает обычно в пещерах, произошло внезапно. Впереди что-то мелькнуло, впереди была тьма, как всегда бывает перед проломом, – и там что-то мелькнуло. Что-то живое, а значит – смертельно опасное.

– Контакт!

Рэ выпустил все пять патронов, которые были в барабане, и упал на колено. Диггер бросил гранату.

– Опасность!

Впереди хлопнуло, потянуло дымом.

Диггер хлопнул Рэ по плечу и передал ему заряженный пистолет, взяв взамен разряженный. В тоннелях тот, кто идет первым, никогда не перезаряжает, ему всегда дают то, что нужно. Самому Диггеру передали еще один револьвер.

Рэ и чуть позади Диггер двинулись вперед. Кот и дядя Том остались на месте, на всякий случай стравливая веревку. Через несколько шагов Рэ и Диггер поняли, что впереди – пе-

щера.

Это была довольно большая каверна в земле, размером примерно тридцать на сто футов и высотой футов пять, даже больше. Потолок подпирали заботливо вырезанные и доставленные сюда под землей деревянные колонны, сверху в нескольких местах медленно капала вода, но сыро здесь почему-то не было, видимо, придумали что-то. Здесь стояли какие-то ящики, их было много, и они были зеленого цвета. Дураку ясно, что в них...

У входа лежал труп.

Это снова был индеец с разорванной грудью, револьверы «крыс» были сделаны так, что давали контролируемое рассеивание дробы, чтобы попадать в цель в любом случае. Верней, это был не труп – он мокро хрипел, на губах пузырилась кровавая пена. Диггер достал заточенный штырь, который всегда таскал с собой, и резко ударил им вперед, наваливаясь всем телом. Индеец заклокотал горлом – и тут же затих...

Ничего, кроме длинного копья, на котором было обоюдоострое, промышленнойковки лезвие, у него не было. Совсем дикий – тут столько оружия лежит, а он с каким-то копьем...

Рэ посмотрел на часы – «крысиные» часы, «крысы» носили часы на специальном ремешке с клапаном, клапан застегивался, закрывая собой циферблат. Причем застегивался он не на липучку, треск которой в тоннелях слышен за сотню метров, а на специальную застежку, две полоски шерсти, под одной подшит магнит, под другой – маленькая стальная

полоска. Бесшумно и действенно.

– Время. Я устанавливаю заряд. И надо сваливать...

Диггер кивнул – и тут же крикнул:

– Ложись!

Никто не успевал. Индеец появился словно из-под земли, они совершили ошибку, не зачистив как следует помещение... Хотя с индейцами ничего нельзя сказать точно, существовало поверье, что есть племена, которые могут отводить глаз любому человеку и животному, которые могут приблизиться к ягуару на расстояние вытянутой руки и ударить его тонким копьем прямо в глаз, чтобы не портить шкуру. Индеец уже прыгнул, непонятно, как он это сделал при таком низком потолке, – но он прыгнул, он летел, и длинный нож его был нацелен прямо на североамериканцев, даже если упасть на землю – все равно один умрет. Но тут что-то произошло... Рэ упал, и индеец всем телом упал на него, тяжело наваливаясь и лишая дыхания. Но он был мертв... окончательно, бесповоротно, и горячая кровь текла на Рэ сплошным потоком из разорванной пулями груди.

– Черт бы все побрал... Ты цел?

Диггер, который бросился в сторону, схватил индейца, уже мертвого, потащил его в сторону, освобождая Рэ. Рэ закашлялся...

– Черт... ударил?

У лаза дядя Том перезаряжал «мясорубку», восьмизаряд-

ный «Дефендер» – бесшумное и смертоносное оружие¹⁴...

– Там вверху бой.

Рэ посмотрел на свою форму – нож, наверняка со смазанным ядом лезвием, ткнулся в него, но ему повезло – угодил в кевларовую подложку. Не пробил.

– Устанавливаем заряд и сматываемся отсюда...

Рэ начал устанавливать заряд. Дядя Том пошел куда-то вглубь, подсвечивая сам себе фонарем.

– Эй, подожди. Здесь какие-то документы...

Пока «крысы» ушли в нору, те, кто остался наверху, должны были организовать хоть какую-то оборону, а также подготовить путь к отступлению. Время поджимало, и надо было быть готовым ко всему...

Маленький грузовичок с крупнокалиберной спаркой в кузове так и стоял, ткнувшись бампером в ствол. Двое «тюленей» подошли к нему, один сунулся в кабину, уже гудевшую от насекомых...

– Черт, ну и вонища... репеллента нет?

– Выбей стекло. Все равно ничего не видно.

– А там?

Второй уже был у пулемета.

– Все в норме. Мясорубка готова. Сдавай назад потихо-

¹⁴ Еще один вид бесшумного оружия североамериканского спецназа. Дробовик двадцатого калибра, восемь стволов, перезаряжается как «пеппербокс», старинный карманный пистолет. Заряжается как обычными, так и бесшумными патронами с поршнем внутри.

нечку...

За пулемет – и не убий...

Первыми этих заметил Карл. Он занял позицию, на сей раз на дереве – случайно наткнулся на едва заметные скобы, вбитые в дерево и ведущие наверх. Наверху оказалось вполне даже полноценное снайперское гнездо, хорошо, что оно было пусто, когда они пришли сюда, иначе не миновать бы беды. Вообще, складывалось впечатление, что этот лагерь готовился «на вырост» для приема крупного боевого соединения повстанцев, и готовился основательно.

Карл пересчитал патроны – их осталось всего семьдесят шесть. Для снайпера достаточно, для пехотинца – на пять минут боя. Все равно – надо экономить, если учесть, что изначально было сто двадцать.

– Дэ, я Карл, прием.

– Карл, это Дэ, слышу тебя, – отозвался второй стрелок – снайпер.

– Занял позицию, держу юг. Тут, кажется, тропа.

– Держу юг, чисто...

Карл взглянул на часы – он предпочел бы уйти отсюда. Чертовы «крысы», какого хрена они туда полезли? У них и так уже есть потери, еще не хватало...

И тут он увидел движение. Что-то мелькнуло впереди...

Опытный наблюдатель во время работы никогда не смотрит на одну точку, так ничего не увидишь. Движение лучше

всего ловится боковым зрением, особенно – движение в лесу и если противник одет в камуфлированную форму. Вот Карл и уловил движение, прицел к прицелу винтовки, поставленному на среднее увеличение. И почти сразу же заметил перебегающего к другому укрытию человека. А потом – еще одного.

– Карл – всем, у нас контакт с севера, множественный контакт с севера...

– Принято. Готовность к отражению.

Карл прицелился, и когда один из наступающих в очередной раз попытался перебежать, он споткнулся и упал на полу-пути...

В следующее мгновение сразу две ракеты РПГ полетели в него.

– Черт!

Занять подготовленную позицию было ошибкой – нападающие отлично знали, где гнездо.

Карл бросился в сторону, прижимая к себе винтовку, и выпал из гнезда с пятнадцатиметровой высоты, прежде чем одна из ракет превратила гнездо наблюдателя в пылающие обломки...

– У нас контакт с юга! Множественный контакт с юга!

– Гидра, я Альфа-четырнадцать, у нас контакт с юга, на нас наступают. Дайте контакт с Т-стиками.

– Альфа-четырнадцать, Т-стики будут через десять майк,

повторяю – через десять майк, позывные – Дробовик-один, два и три.

– Гидра, через десять минут нас по земле здесь размажут! Я не могу отступить, у меня крысы в норе!

– Альфа-четыренадцать, тогда держитесь. Мы делаем все, что можем.

– Контакт с севера! Контакт с севера!

Проныра, единственный в группе пулеметчик с тяжелой «свиньей» – «Мк43 mod 1», перебежал левее и плюхнулся в небольшую промоину, опережая пули. Тут было не так безопасно, как за огромным древесным стволом, но все же задницу укрыть можно было.

Боевики наступали разреженным строем, перебежками, прячась за деревьями от пуль и снова продвигаясь вперед. Поймать их было не так-то просто.

Улучив момент, Проныра нажал на спуск, выставленный на сошки пулемет бабахнул – и перебегавший человек с разбегу ткнулся лицом в землю...

– Ага! Йехху!

Его попытались нащупать сразу из нескольких автоматных стволов, одна из очередей вспорола землю совсем рядом, но он остался цел и сумел убить еще одного. Спецназовцы, выстроившись в подобие линии, выпускали последние сорокамиллиметровые гранаты – единственное средство, которое действует в таких вот случаях. Проблема в том, что это

не патроны, десяток, ну полтора – вот максимум, что можно взять. Хорошо, что удалось пополнить боезапас в лагере – боеприпасы с нескольких найденных «АК» пошли в дело, в дело пошли и бельгийские трофеи.

И тут он увидел ковыляющего, приволакивающего ногу человека – в сорока-пятидесяти метрах от него...

– Карл? Карл!

Боевики заметили – и тоже открыли огонь по нему, в руке у Карла была снайперская винтовка, стрелок никогда не бросит свое оружие, не останется безоружным. Пройдя несколько метров, Карл упал под пулями.

– Карл, твою мать!!

Проныра, стреляя из пулемета и что-то крича, побежал вперед. Пули попадали в деревья рядом с ним, рвали кору и мох, били в землю, а какие-то даже, возможно, попали в него. Но он все равно бежал и стрелял – пока не кончилась лента и пока он не упал рядом с Карлом.

– Цел?! Ты – цел?

Проныра перевернул Карла на спину, тот закашлялся, выругался...

– Черт бы все побрал...

– Пошли отсюда. Пошли отсюда, ты можешь идти?!

Кто-то заметил их, открыл отсекающий огонь.

– Кажется... поползу.

– Тогда ползи! Ползи!

– Дай мне... пистолет. Мой... пистолет.

У Карла была то ли сломана, то ли вывихнута рука, Проныра вырвал из кобуры Карла пистолет и ткнул ему в руку.

– Уходи! Я прикрываю тебя!

Карл скривился...

– Черт... Проныра... на Леди пиво с меня.

– Пошел!

Проныра перезарядил пулемет – тут по нему чиркнули, одна за другой, еще две пули, именно чиркнули, потому что он сегодня был как заговоренный. Зеленые куртки мелькали совсем рядом.

– А-а-а-а! Б...!!! Я вас...

Пристрелочная мина взорвалась, полыхнула ослепительным кустом белого фосфора в паре десятков метров.

– Не нравится! Ублюдки! – «Свинья» бухтела и бухтела, выплевывая пулю за пулей. – Получайте, б... Получайте!

Третья пуля попала в него – и он упал, задохнувшись от боли. Потом неуверенно начал вставать – и тут кто-то подскочил сзади и потащил за собой, стреляя из пистолета прямо над головой Проныры, это было так громко, что разрывалась голова. Весь сумрачный лес был перерезан нитями трасеров, зелеными североамериканскими и красными – противника, пули, словно живые, искали людские тела. И тут впереди взорвалась еще одна фосфорная мина, как раз на том самом месте, где лежал только что Проныра...

– Дробовик-один, я Альфа-четырнадцать, мы окружены

со всех сторон, код красный! Нам нужна огневая поддержка немедленно, прием.

– Альфа-четырнадцать, мы еще не вышли на исходную, прием!

– Дробовик, пока вы доползете, меня тут уже с землей смешают! Мне нужна поддержка хотя бы с одной машины, прием!

– Альфа-четырнадцать, вас понял, Дробовик-три будет работать. Ждите пять майк, прием!

– Пять майк! Пять майк!!!

С юга работал пулемет, почти не затыкаясь – крупнокалиберный, трофей.

– Дэ ранен!

– Дэ ранен, они достали его, достали!

– Вытаскивайте его оттуда, вытаскивайте!

На севере боевики выходили из зарослей, били с господствующей высоты. Оборона котиков держалась на двух «Стоунерах», от стволов которых уже шел дым, грохот «калашниковых» был со всех сторон, и непонятно было, кто есть кто. Дэ выпал из своего гнезда, двое котиков бросились к нему – оттащить в тыл. Остальные открыли прикрывающий огонь, держа линию.

– Здесь Дробовик-три, готов к работе, кому нужен фокстрот – майк, прием?!

– Здесь Альфа-четырнадцать, даю отметку по карте, три

один пять два зеро к девять – девять зеро два – два, сделайте один выстрел, я дам поправку, прием!

– Дробовик-три, вас понял!

Яркая вспышка фосфорной мины слепит глаза.

– Дробовик три, здесь Альфа-четырнадцать, поправка вверх пятнадцать, влево пять, сделайте десять выстрелов, прием.

– Дробовик-три, задачу принял...

– Сбор! Сбор!

Впереди мелькало что-то белое, видимо пикап, бил уже крупнокалиберный, который никак не удавалось подловить. Кончились сорокамиллиметровые гранаты, оставалось только отступать. Пока кто-то оттаскивал в тыл раненых, остальные из последних сил держали линию.

Потом впереди вспыхнули один за другим несколько разрывов – белый фосфор и осколочные. Отчетливо потянуло дымом – здесь было не так уж сыро, мог быть пожар.

– Отступаем! Отступаем! Отрыв, отрыв! Отрыв!

Пока «зеленые куртки» подсчитывают потери и думают, идти ли им дальше под огнем минометов, – можно оторваться.

– Пошел!

Командир взвода едва не упал, напоровшись на Проныру, который лежал и стрелял из своей «свиньи».

– Проныра! Мать твою, ты же ранен?

Проныра обернулся, лицо было белое как мел.

– Продержусь, сэр.

Понятно, кокаин. Хотя это было и запрещено – у многих спецназовцев для такого случая была с собой доза очищенного кокаина, смешанного с еще кое-чем. Под кокаином можно идти под градом пуль, чтобы потом не рухнуть за-
мертво, боль не чувствуется. Из-за кокаина копы переходили на сорок пятый калибр – никакой иной не мог остановить витающего в облаках, обширявшегося гангстера – грабителя банков.

Комвзвода спрятался за дерево, за которым лежал Проныра, и тоже открыл огонь.

– Какого черта?! Мать вашу!

– Дядя Том что-то нашел!

– Надевайте снаряжение, мать вашу! У нас проблема на севере! И на юге тоже!

Пуля сбила с ног и комвзвода, рядом заткнулся пулемет Проныры. Комвзвода с трудом повернул голову и увидел, что Проныра мертв, на сей раз окончательно и бесповоротно. Пуля пробила ему череп, и на пулемет текла вязкая бурая жижа.

Зеленые куртки были все ближе. Командир достал гранату – и вдруг увидел, как со стороны лагеря к нему бежит Рэ, пули свистели как безумные, но он бежал. И добежал.

- Рад вас видеть, сэр.
- Черт, Рэ...
- Бросьте это. Мы выберемся! – Рэ высунулся из-за дерева и дал две короткие автоматные очереди в сторону противника.
- Идти можете?
- Наверное... если не быстро.
- Отходите, я прикрою.
- Проныра...
- Здесь слишком жарко! Идите, сэр!

«Крысы», выбравшись наружу из вонючей подземной преисподней, остались «крысами» – цепкими и опасными зверьками, способными выживать в любой ситуации. Держа оборону втроем, рискуя, что мина случайно прилетит им на голову, они выиграли две минуты. Две минуты, достаточные, чтобы командир взвода Лима добрел до них, до линии, где держали оборону они трое.

Рэ примкнул к автомату барабан на девяносто патронов – он был один и держался как раз на случай таких вот ситуаций. Примерно прикинул глазами маршрут отступления.

– Пошел!

Подбежав к мертвому Проныре, он схватил его за шиворот, где была петля, и потащил за собой, стреляя из «калашникова» с одной руки. За Пронырой волочилась и «свинья» – пулемет, с которым он не хотел расставаться даже мерт-

ВЫМ...

Погрузив в грузовичок тех, кто не мог идти по ранению, и тех, кого смогли вытащить мертвыми, спецназовцы начали отступать. «Тендерстики» укладывали мины в опасной близости от них, со всех сторон уже горело, дымились стволы, а кое-где было и открытое пламя. За спиной что-то приглушенно, но сильно бухнуло, кто-то почувствовал, что дрогнула земля. Это взорвался подземный, установленный в пещере заряд. Это и огонь – лагеря здесь больше не будет...

Первым шел грузовик, из него вели огонь из «спарки» – и водитель, и пулеметчик были ранены, но оставались в строю. За грузовиком шли те, кто мог держаться на ногах, кого-то несли. Сил сопротивляться у боевиков уже не было, неподалеку раздавались сухие, трескучие очереди. С «Тендерстиками» выручать их прибыла группы быстрого реагирования морской пехоты...

29 мая 2012 года.

Лондон, Великобритания.

Песочный дом.

Штаб-квартира MI5

В Лондоне, городе для джентльменов и бывшей столице мира, наступал рассвет. Первые, еще робкие лучи восходящего солнца несмело ощупывали старинные, монументальные здания, игрались лучиками в величавой Темзе, изгоняли

тзму из мрачного лабиринта улиц Вест-Энда. Жители столицы Соединенного Королевства умывались в раковинах, кранам которых никто не додумался приделать смесители, ели свой жуткий английский завтрак и выходили пораньше из дому, чтобы успеть на работу до пробок. Новое метро – а за последние несколько лет в британской столице появилось больше новых веток метро, чем за последние пятьдесят лет, – делало процесс перемещения из спальных районов на рабочие места быстрым, но мучительным. Мучительным – в том смысле, что вам приходилось окунаться в людское месиво еще перед эскалатором, – метро заглатывало людей, как прожорливый хищный червь, и выплевывало их где-нибудь в Сохо или Ист-Энде, раздраженных, в помятой одежде, а то и без кошелька. Увы, но альтернативой этому была только служба Королеве – если повезет, дослужишься до чинов, которым полагается личный «Даймлер» с водителем, а то и вертолет. По крайней мере, именно так на службу предпочитали сейчас перемещаться высшие чины MI5, для чего на крыше потрясающе красивого здания на Темзе построили вертолетную площадку, безнадежно изуродовав его. Увы, безопасность теперь была приоритетом номер один, номер два и номер три.

Джейкоб Риц-Дэвис, тридцати шести лет от роду, выходец из обедневшей аристократической семьи, не дорос до того уровня, чтобы ему предоставляли машину с водителем, а использовать мотоцикл, чтобы добраться до службы, не хо-

тел, потому что не лежала душа к мотоциклам. Проснувшись утром – дамочка, которую он снял вчера в «Загоне», одной из дискотек Лондона, уже ушла, – он машинально прибрал кровать, как это привык делать в армии, выпил тайленола от головной боли и пошел в ванную. Там он встал под обжигающе холодный душ и героически стоял там не меньше двух минут, потом выключил воду и достал принадлежности, необходимые джентльмену для бритья – помазок, опасная бритва от Wilkinson, крем. Посмотрел в зеркало – то, что он увидел, он не решился бы опознать как Джейкоба Риц-Дэвиса.

Я тебя не знаю, но я тебя побрею...

Бритву надо было бы поправить, но он каким-то образом ухитрился побриться всего лишь с одним порезом, остановил кровь карандашом и нырнул на кухню. У него не было сил, ни моральных, ни физических, чтобы готовить завтрак, поэтому он удовольствовался мясными консервами из Уилтшира, банку которых открыл настоящим окопным ножом. Наскоро запихав в себя консервы и запив все это водой из бутылки, Джейкоб Риц-Дэвис, эсквайр, пошел одеваться.

Джейкоб Риц-Дэвис лишь недавно перешел на службу в MI5, до этого он проходил службу в составе Специальных лодочных сил, штаб-квартира которых находилась в городе Пуле. Это было куда менее известное подразделение, чем Специальная авиадесантная служба, SAS, но ее бойцы были подготовлены едва ли не лучше, чем SAS. Они предпочитали

скрытое проникновение, пользовались североамериканским и русским оружием, носили длинные волосы и корчили самодовольные рожи, когда видели людей из Герефорда. Командование старалось принимать все меры к тому, чтобы эти две группы не пересекались, потому что там, где пересекались интересы SAS и SBS, – драка почти неизбежна. К сожалению, капитану Риц-Дэвису пришлось уйти со службы на флоте, и не по своей воле. Неисправная барокамера, тренировочное задание, и... привет, в общем.

Джейкоб Риц-Дэвис оделся так, как он привык одеваться на службе – крепкие башмаки-докеры, джинсы и североамериканского стиля куртка с капюшоном-балаклавой. Из оружия он предпочитал богемский «CZ», его он сунул в сумочку-напuzник, в которой был откидывающийся клапан. На новой работе его считали анархистом.

Как можно больше пuль, и как можно быстрее – вот наш девиз.

Выйдя из своего убежища – мрачного, начала прошлого века постройки, «имперского» здания, где не было нормального отопления, – он шагнул на тротуар и растворился в толпе, понесшей его к ближайшей станции подземки. Джейкоб Риц-Дэвис любил подземку, в ней, чтобы скоротать время, он пытался по примеру Шерлока Холмса понять, что представляет собой соседний пассажир и чем он в жизни занимается.

После террористических актов последнего времени, после

убийства теневого директора службы, меры безопасности в Песочном доме значительно ужесточили, на входе появились люди с автоматами, как будто ждали русского десанта прямо на Лондон. Пройти на работу просто так теперь тоже не удавалось – для работников теперь установили считыватели сетчатки глаза, анализаторы голоса и считыватели и термограммы лица, для посетителей было еще круче. Прямо в холле установили четыре большие, белые, круглые камеры высотой в восемь футов каждая, открывались и закрывались они за счет отходящих в сторону дверок. Система «Персей» – последнее достижение науки и техники. Ты заходишь в эту камеру и стоишь несколько секунд как дурак, а система делает заборы проб воздуха и определяет наличие у тебя взрывчатки – или факт твоего контакта со взрывчаткой в течение последних двенадцати часов. Если все нормально – то другая дверка сдвигается в сторону, и ты проходишь уже в зону ограниченного доступа. Шутники сравнивали эти камеры с какими-то капсулами, которые были в игре Half Life 2, но Джейкоб Риц-Дэвис в эту игру не играл и оценить справедливость такого сравнения не мог.

Перед термографом, как всегда, была небольшая очередь, Джейкоб Риц-Дэвис встал в нее, хлопнул по плечу передистоящего мужчину, одетого в кожаную куртку. Основной контингент, из числа тех, кто посещал это здание, носил костюмы.

– Вернулся, Карл?

- Верно.
- Хреново?
- Еще бы...

Все было понятно и без слов – от Карла чуть заметно пахло тем запахом, который въедается в кожу и держится несколько недель после того, как ты приедешь оттуда. Пыль, мелкая, которая есть только там, и кровь. В той стране льется много крови.

– Джейкоб Риц-Дэвис, – отдельно проговорил Джейкоб Риц-Дэвис, склонившись к экрану и смотря на две точки перед собой.

Машина немного поразмыслила на тему, стоит ли пускать в здание человека со столь нездоровой термограммой лица (от неумеренного потребления), потом все же решила пустить.

– Доброе утро, капитан Риц-Дэвис.

Адские врата, представляющие здесь всего лишь прозрачные, из толстого пуленепробиваемого стекла распахивающиеся створки, расступились перед капитаном Риц-Дэвисом.

Кабинет капитана Риц-Дэвиса находился на втором этаже, отдельный кабинет ему пока был не положен по чину, и он обходился отделенным легкой перегородкой закутком со стулом, столом, компьютером и сейфом. Компьютер был необычен в том плане, что у него не было никаких выводных устройств: ни разъема для флэшки, ни CD, ни DVD-записывающего устройства, ни дисковод на 1,44 дюйма. Специ-

альная сборка, правительственный заказ, включается от отпечатка пальцев, переходит в ждущий режим через минуту отсутствия активности, и чтобы его активировать, нужно вновь прикладывать палец – раздражает. В сейфе лежал служебный пистолет – ни один человек из этого отдела не носил служебное оружие с собой, по сравнению с тем, что можно было купить на черном рынке, служебное – просто дерьмовая дешевка. Капитан Джейкоб Риц-Дэвис служил инспектором в инспекции Ближнего Востока, и поэтому на полке у него стоял сборник хадисов «Аль-Бухари» и Коран, а на стене висел небольшой ковер. На ковре была изображена рука, по запястью обвитая колючей проволокой, указательный палец вытянут вверх. Внизу – надпись на арабском золотистыми нитями: «Среди верующих есть мужи, которые верны завету, который они заключили с Аллахом. Среди них есть такие, которые уже выполнили свои обязательства, и такие, которые еще ожидают, но никак не изменяют своему завету»¹⁵. В местах оных наличия такого коврика достаточно для того, чтобы свели в жандармерию или военную комендатуру.

Капитан приложил палец, включил компьютер, проверил папку «Входящее». После того как документооборот в этом здании стал преимущественно электронным, количество циркулирующих документов увеличилось примерно в два и три десятых раза, только на просмотр входящих сотрудник мог тратить до часа времени, а если он был в спец-

¹⁵ Коран (33:23).

командировке и вернулся – то и больше. Привычно проигнорировав все меморандумы, направленные соседними отделами, капитан увидел послание, помеченное «красным» кодом, открыл его и узнал, что ему надо отправляться наверх. Предпоследний этаж – обитель богов, там обитают начальники отделов и заместители директора службы. Верхний этаж, терраса – там только кабинет директора и залы для брифингов с повышенным уровнем секретности.

Посмотрев на часы, капитан понял, что почти уже опоздал.

В приемной сидела Бекки, как обычно, ненакрашенная, в строгом костюме, почти без макияжа, чертовски соблазнительная и недоступная. Половина службы знала, что она спит с Анджелой Макинтайр, нынешним директором службы, кажется, даже переехала к ней жить. Еще десять лет назад подобного было достаточно, чтобы вышибить с правительственной службы обеих с лишением допуска к любой секретной информации, но сейчас настали другие времена. В палате лордов заседают открытые педерасты, министр иностранных дел, которому юридически подчинена Служба, зарегистрировал гражданское партнерство – сим политкорректным термином теперь именовали гомосексуальный брак. На этом фоне сожительство друг с другом парочки лесбиянок, пусть одна из них вдвое старше другой, особым скандалом и не считалось. Тем более про Бекки ходили слухи, что когда старуха улетает по делам, кое-кому кое-что в отношении ее и

удается.

– Привет, Бекки, – сказал капитан Риц-Дэвис, назло всему миру максимально задействовав свое обаяние «крутого парня из Вест-Энда».

Обаятельная улыбка разбилась, как ледышка об асфальт.

– Подождите немного, капитан. Мистер Бернштайн освободится и вас примет.

Вот так.

Капитан Риц-Дэвис уселся в одно из свободных кресел, современных и очень неудобных для сидения, и начал рассматривать интерьер присутствия так, как будто он был здесь впервые. Белые тканевые жалюзи закрывают тонированные стекла окон. Современная мебель – большая ее часть изготовлена из прозрачного пластика, чтобы вовремя увидеть подслушивающее устройство или, к примеру, осторожно доставаемый пистолет. Жидкие обои на стенах, стертый рисунок, какие-то плавно перетекающие друг в друга пятна. Секс медуз – так бы он это назвал.

– Что-то не так, мистер Риц-Дэвис?

Капитан поднял глаза на секретаршу. Нервничает... Она здесь хозяйка, и само рассматривание ее личного пространства ее нервирует.

– То есть, мэм?

– Ну... вы так смотрите.

– Я завидую. Здесь так уютно... В моей берлоге некому создать такой уют, вот что я думаю, мадемуазель.

Черт, а будет штука, если Бекки уйдет от этой старой лесбы ко мне! Правда, не факт, что удастся удержаться на службе. Ну и черт с ним, оперативникам, подготовленным СБС, платят достаточно, на них всегда есть спрос на рынке.

Бекки открыла рот и снова закрыла. Замурлыкал спасительно телефон, и она уцепилась за трубку, как утопающий – за спасательный круг.

– Капитан, мистер Бернштайн примет вас. У вас будет двадцать минут.

Хм... двадцать минут. Обычно десяти было достаточно.

За двойной дверью – в отличие от обычных дверей в промежутке между этими работал генератор «белого шума» – капитана ждал Гордон Бернштайн, начальник особой инспекции. Пока капитан шел по дешевому ковру навстречу невысокому, седому, коротко стриженному человеку с холодными рыбьими глазами, – он еще раз (в который уже раз) напомнил себе, что надо быть осторожнее. Потому что он ничего не знал об этом человеке.

Гордон Бернштайн появился здесь вместе с Макинтайр и несколькими другими чинами, которых расставили сразу по высшим ступенькам службы. Первоначально никто не знал, откуда взялся этот странный, маниакально чистоплотный человек, который тратит по десять фунтов на маникюр и обмахивает пылинки с костюма. Потом разузнали – раньше работал в Ллойде – конторе с двойным дном, страховщике с мировой известностью, уже давно, не первое десятилетие, ра-

ботающем в убыток и тем не менее работающем. Сама Макинтайр пришла из еще более стремной конторы – Гонгконгского экспортно-импортного банка, банка, обслуживающего наркотранзитеров по всему миру. За то время, пока капитан работал в отделе, он понял одну вещь: полагаться на Бернштайна опасно. У него нет потребности прикрывать своих людей, какая есть у всякого хорошего начальника, наоборот, он разменяет любого, если это принесет хоть малейший дивиденд.

Но играть старая крыса умела превосходно.

– Капитан Риц-Дэвис... – Начальственное рукопожатие было необычно сильным. Я рад, что вы выбрались с Востока целым и невредимым.

– Я тоже, – капитан дал понять сухим, сдержанным тоном, что на эту тему говорить не намерен. Бернштайн это понял.

– К делу! – Он поднял трубку красного телефона. – Анджела. Мы готовы... Да...

Черт, неужели они идут к директору службы?!

– Да, сэр... – Бернштайн ответил на незаданный вслух вопрос. – Мисс Макинтайр с нетерпением ждет нас.

Анджела Макинтайр была ухоженной дамой без возраста, со стройной, совершенно не соответствующей возрасту фигурой, тщательно уложенной прической и пронизательными голубыми глазами. Здесь ее все звали старухой, хотя на старуху она совершенно не была похожа, следила за собой. С ее

приходом прервалась традиция двух директоров службы – официального и неофициального. Официальным была она, Анджела Макинтайр, а вот неофициального – похоже, что не было. Он мог, конечно, быть законспирирован даже от своих, но по крайней мере свои должны были его знать – должен же он был как-то работать, взаимодействовать с нижестоящими звеньями, получать информацию и давать распоряжения. Ничего этого не было, и оставалось только гадать – что, ко всем чертям, происходит со службой.

– Капитан... – У Макинтайр был отработанный, приятный голос, таким голосом обычно навигационная система говорит: «Через триста ярдов, пожалуйста, поверните направо».

– Мэм...

Капитан краем глаза увидел переплетенное дело на столе и понял, что это его личное досье.

– Давайте присядем...

В директорском кабинете было открыто окно, что вообще-то было категорически запрещено делать. На Темзе перекрикивались гудками речные трамваи.

– Капитан Риц-Дэвис, не буду вуалировать словами действительное состояние дел – у нас проблемы. И проблемы очень серьезные...

– Мэм, мы существуем, чтобы решать проблемы.

Особая инспекция была создана в структуре Службы совсем недавно, представляла собой она оперативный директорат в миниатюре. Как известно, основой Службы является

оперативный директорат, он состоит из секций с произвольным разделением (географическим или по тематике решаемых проблем), секции состоят из инспекций, которые делятся исключительно по географическому признаку. В каждой инспекции существует от пяти до восьмидесяти сотрудников, которые занимаются узкой проблемой или государственным образованием и являются экспертами по этому делу. А вот в особой инспекции существовали только отделы, дублирующие некоторые инспекции, и в них работали максимум пять человек. Но это были лучшие из лучших, с разноплановой подготовкой, в основном бывшие бойцы спецподразделений, прошедшие дополнительную подготовку для выполнения разведывательных задач. Если Ян Флеминг и писал с кого-то своего Джеймса Бонда, то это с них. Правда, быть плейбоями у них не получалось – после командировок на Восток они выглядели и чувствовали себя как загнанные лошади.

Организовывал эту «разведку в разведке» человек, который сейчас был мертв. Убит. Но как это и бывало обычно в бюрократических организациях, отдел проще организовать, чем расформировать – Особая инспекция существовала до сих пор.

– Я рада, капитан, что вы так думаете. Кстати. Вы не против, если я буду называть вас капитаном?

– Ничуть, мэм.

– Это хорошо. Я неоднократно говорила на совеща-

ях, что немного армейской дисциплины не повредит нашей службе...

Говоря это, Макинтайр смотрела на Бернштайна.

– Да, мэм, – верноподданнически поддакнул Бернштайн.

– Вы ведь у нас специалист по Ближнему Востоку...

– Верно, мэм.

Капитан отвечал коротко и по делу – он уже усвоил, что при начальстве нельзя распускать язык.

– Очень хорошо. – Мисс Макинтайр достала из стола фотографию и протянула ему: – В таком случае вы должны помнить этого человека.

Капитан Риц-Дэвис помнил изображенного на фотографии человека, и помнил очень хорошо. Более того – он предпочел бы забыть об этом раз и навсегда. Из продуваемого прохладным ветерком с реки кабинета в центре Лондона капитан словно перенесся на несколько тысяч километров и несколько лет. Тегеран, людная улица, вывески, прикрывающие провалы и проломы в стенах, запах жарящегося кебаба, крики уличных торговцев, причитания нищих, протяжный напев азанчи, и пыль. Пыль, пыль, пыль... пыли было столько, что от нее не спасал и шемах, противная кирпичная и бетонная пыль разрушенного города, смешанная с пустынной пылью, принесенной в город беженцами. Только чудом, будучи всего в паре десятков метров от здания, он увидел машину, а присмотревшись, увидел в ней и наблюдателей. Сотовый телефон, конечно же, не работал – русские вклю-

чили глушение. Он понял, что все кончено, и перешел на другую сторону улицы ровно тогда, когда ударный вертолет «В80» вышел на цель и ракета «Штурм», пущенная по отметке лазерного целеуказателя превратила здание, где была подготовленная ими группа и его напарник, в груды пылающих развалин. Горячая, пахнувшая бензином и горелой плотью ударная волна окатила его – и он бросился бежать вместе со всеми, крича то же, что и все, и искренне надеясь, что он ничем, ни манерой бежать, ни одеждой, ни акцентом, не выдаст русским свое истинное лицо. Потому что если бы это произошло, если бы русские что-то заподозрили – они вряд ли бы упустили его.

– Я помню этого человека, мэм... – сказал капитан, кладя фотографию на стол, – хотя предпочел бы не помнить.

– Вы должны были убить его... – медовым голосом проговорила Макинтайр.

– Да, мэм.

– И чем же все закончилось?

Капитан тяжело вздохнул:

– Управляемой ракетой с термобарической головной частью, мэм. Для моего напарника и для... всей группы, которую нам удалось забросить в страну. Мне едва удалось уйти, это была чистая случайность.

– Интересно... почему же вы не попытались довести дело до конца, капитан?

– Мэм, после того как русские поджарили моего напарни-

ка, я залег на дно. Через день – видимо, русские разобрали развалины и сосчитали тела – моя фотография была у каждой полицейской ищейки. Они поняли, что кого-то не хватает, и они знали, кого именно. В этой ситуации мне не дали бы приблизиться к цели.

– Вы утверждаете, что вас подставили?

Капитану внезапно пришло в голову, что если у службы проблемы, то он... и может быть их источником. Если началась внутренняя проверка, если опять есть подозрение на русского крота в Службе, то он неплохая кандидатура на эту роль. Человек, проваливший особо важное задание, единственный оставшийся в живых из всей группы. Все погибли, а вот он не получил ни царапины и каким-то образом ушел из страны. Из страны, в которой, по его же собственным словам, его фотография была у каждой собаки. Это наводит на размышления, и если кого-то нужно показательно принести в жертву...

– Мистер Миниц собирает сейчас чемоданы, – словно читая мысли капитана, ответила Макинтайр, – по причинам, которые вы вскоре поймете. В отношении вас никаких обвинений не выдвигается. Однако вы нам нужны для того, чтобы раз и навсегда решить вопрос с изображенным на фотографии индивидуумом.

Мисс Макинтайр дотянулась до фотографии на столе, положила ее перед собой.

– Итак, перед нами князь Александр Воронцов, шестьде-

сят пятого года рождения, то есть ему сорок семь лет сейчас. Идеальный сплав опыта и сил, самое продуктивное время. Напомните мне, капитан, предельный возраст для службы в боевых подразделениях типа Специальной авиадесантной службы?

– Сорок лет, – ответил капитан Риц-Дэвис, – после сорока лет ты годишься лишь на то, чтобы перекладывать бумажки и командовать другими людьми.

– Тем не менее есть случаи, когда офицеры этого возраста переходят в другие подразделения на командные должности, есть те, кто становится наемниками лишь для того, чтобы избежать ухода на покой.

– Да, мэм, такое есть.

Макинтайр удовлетворенно кивнула.

– Князь Александр Воронцов... – произнесла она с расстановкой, будто взвешивая каждое слово, – потомственный дворянин, его то ли дед, то ли прадед, кажется прадед, погиб во время бомбардировки Скапа-Флоу. Дед, несмотря на то что ему за девяносто, еще активен, советник при Адмиралтействе, генерал-адмирал. Отец причинил нам немало неприятностей, погиб в Багдаде во время массовых беспорядков на должности генерал-губернатора. Кстати, князь Воронцов в каком-то смысле ваш коллега, только званием выше. Он начинал в подводных диверсионных частях, слышали?

– Слышал, мэм.

– Подготовка сначала на Черном море, потом на Балтике. Каким-то образом оказался в Бейруте в девяносто втором, возможно, что не случайно, и причинил нам серьезные неприятности, даже более – поломал нам игру. Мы тогда не оценили всю его опасность и заплатились за это в последующие годы, когда он работал под прикрытием в Ирландии. Его легендой была легенда детектива Особого отдела Королевской полиции Белфаста Александра Кросса, под ней он работал четыре года сразу на два фронта. На первом он боролся с террористами, причем довольно успешно, если его приговорили к смерти. На втором – он тайно поставлял им русское оружие и совершал террористические акты против британской армии, и все это он тоже делал довольно успешно. Мы, британцы, не можем понять такого, но специалисты по России проконсультировали меня. Русские не могут ничего делать наполовину, если они берутся что-то делать, то они делают. Вот почему Воронцов боролся с ИРА так же беспощадно и самоотверженно, как помогал ей. Странно, но это так.

Бернштайн беспокойно пошевелился в кресле. Видимо, для него понятие «самоотверженность» было глубоко чуждым.

– Далее, на какое-то время князь Воронцов пропадает из поля зрения, известен только его петербургский период службы, несколько... скандальный. Затем он совершенно неожиданно получает очередное звание и отправляется слу-

жить послом в Персию. Это как раз в тот самый момент, когда нами была активизирована часть глобального плана, направленного на уход России из Персии. Этот план князю Воронцову также удалось сорвать, хотя и не без серьезных потерь для России. Новый Император – его друг с детства – назначил его гражданским и военным наместником в Персии. На этом посту князь пробыл не такое уж длительное время, но сделать ему удалось многое, и вам это известно, как никому другому в этом здании.

Капитан кивнул:

– Он устроил провокации. Целый ряд провокаций. Русские вообще великие мастера провокаций, это у них с Византии. Целый ряд подрывных организаций, которые занимаются какой-то пропагандой, грызней друг с другом и даже совершают террористические акты. Какие-то полиция уничтожает, какие-то смещаются к легальной политической деятельности, какие-то – взаимоуничтожают друг друга. Но суть в том, что все эти организации изначально созданы русскими властями, они находятся под контролем провокаторов, полицейской агентуры, людей Наместника. Хочешь бороться с русскими? Борись. Там тебя либо повесят, либо разубедят, ты будешь под контролем русской разведки с самого первого шага. Князю Воронцову удалось сделать главное – он дискредитировал саму идею борьбы с русскими, сделал борцов подонками, и теперь в Персии бывшие террористы – едва ли не главные охранители Империи. Я предупреждал об этом

еще тогда... уровень провокации был просто беспрецедентным.

— Да, капитан, я читала ваши рапорты... Весьма поучительно. Есть чему поучиться тем, кто работает в Индии. Но дело не в этом. Мы хотели убить Воронцова, как главное препятствие на нашем пути, но все получилось сложнее. Неожиданно Воронцов попал в немилость и был вынужден выехать из страны. Нам так и не удалось точно установить причину, по какой Воронцов попал в немилость. В отношении него не было начато уголовное преследование, не было ни военного, ни офицерского суда чести, он не лишен ни титулов, ни наград. Тем не менее он был освобожден от всех занимаемых им постов и покинул страну. Ему удалось устроиться в Северо-Американских Соединенных Штатах, имея некоторую протекцию, менее чем через месяц он открыл первую из нескольких коммерческих организаций, которыми он сейчас владеет, и начал набирать персонал. Персонал, который он набирает, состоит из бывших и действующих сотрудников правоохранительных органов, военных специалистов. Русских среди них почти нет, но они используют русские наработки, опробованные, в частности, на Востоке. Основная сфера деятельности — поставки стрелкового оружия и легкого оружия поддержки, частные военные операции, охрана, в том числе в самих САСШ. К этому бизнесу никого не подпускают, кроме североамериканцев и нас, британцев, Воронцов стал первым русским, которому удалось получить пра-

вительственный контракт подобного рода. Даже несмотря на то что фирмы, работающие с правительством, зарегистрированы на другое лицо, на гражданку САСШ, – это все равно многое значит. Не догадываетесь, в чем тут дело?

Догадка у капитана была, и она была совершенно невероятной.

– Воронцов работал на североамериканцев? И за это он попал в немилость и был вынужден бежать из страны?

Анджела Макинтайр улыбнулась, тепло и радушно.

– Да, такой вариант тоже не исключен. Мы отследили контакты Воронцова с сотрудниками СРС, с некоторыми из них отношения можно назвать даже дружескими. Он свободно говорит по-английски, у него есть значительный объем информации, который он мог бы предложить североамериканцам в обмен на их защиту. Но мы полагаем, что дело тут сложнее. Воронцов до сих пор имеет дела и с Российской Империей. Например, он наладил поставки оружия североамериканского производства в Российскую Империю, и в больших количествах, еще совсем недавно это было запрещено законом, но закон отменили. Он контактирует и с официальными лицами России, в том числе с принцессой Ксенией, с которой его связывали, а возможно, и связывают более чем дружеские отношения. Он до сих пор имеет выход на дом Романовых, причем прямой выход.

– Мы считаем, капитан, – заговорил Бернштайн, – что Воронцов является своеобразным каналом связи между се-

вероамериканской военной и правительственной элитой и домом Романовых, представляющим Российскую Империю. Это нельзя назвать шпионажем, потому что он передает в обе стороны то, что ему поручают передать. Вероятно, он направлен к североамериканцам с целью помочь им выпутаться из бразильского и мексиканского кризиса, своего рода жест доброй воли дома Романовых. Кандидатура идеальная, подготовка подводного диверсанта, опыт разведывательной деятельности под прикрытием, опыт дипломатической работы, богатый опыт подавления мятежей и восстаний, специалист по провокациям. Русские послали его на помощь САСШ не просто так, они явно планируют разбить наш Атлантический союз и попытаться заключить другой, протянуть руку Северо-Американским Соединенным Штатам не через Атлантический, а через Тихий океан. В Российской Империи ходят разговоры о том, что скоро еще трем городам будет присвоен статус столиц – это Багдад, Тегеран и Владивосток. Присваивая столичный статус первым двум городам¹⁶, русские заявляют всему миру, что не уйдут с Востока, а вот третий... третий может означать, что вектор захватнической политики Российской Империи смещается ближе к Тихому Океану и они готовы протянуть руку САСШ в ущерб Японии, нашему стратегическому союзнику и врагу России.

¹⁶ Этот статус означал иной режим налогообложения, иной режим пребывания иностранцев (более открытый) и то, что в каждом столичном городе должен быть построен дворец для Его Величества. Дворец обычно строил город.

Если это произойдет – это разрушит десятилетиями выстраиваемый баланс на Тихом океане, поставит под угрозу Гонконг и даже Австралию. Допустить этого нельзя.

– Вы хотите, чтобы я убил Воронцова? – напрямую спросил капитан, нарушая принятые в этом здании правила приличия. Здесь не было принято называть убийство – убийством, и другие неприятные вещи тоже никогда не называли своими именами.

Анджела Макинтайр улыбнулась снова, но на сей раз ее улыбкой можно было резать стекло. На стол перед капитаном Риц-Дэвисом легла еще одна фотография.

– Это было бы неплохо, но... вот что происходит с теми, кто пытается убить Воронцова.

На снимке был изображен автомобиль, внедорожник «Фарго», судя по фону – стоящий где-то в сельской местности. Стекло было выбито, явно пулями, следы от пуль имелись и на капоте, и на дверцах автомобиля. Снимок, вероятно, был из полицейского протокола, потому что можно было видеть надписи мелом на пробитой пулями стали – цифры, обозначающие место попадания каждой из выпущенных пуль. Все это походило на результат гангстерской разборки.

– Инспектор Миниц, которого мы попросили разобраться с делом Воронцова, не нашел ничего лучшего, чем активировать САС. Группа Пагода, вы должны знать, что это такое.

– Знаю... – капитан скривился, САС он не уважал.

– Группа Пагода была переброшена в Северо-Американ-

ские Соединенные Штаты и попыталась ликвидировать Воронцова. При этом они не учли то, что рядом с Воронцовым были полицейские. Ситуация вышла из-под контроля, один из полицейских погиб, а Воронцову каким-то образом удалось остаться в живых и раздобыть автоматическую винтовку. Результат – у вас перед глазами, трое операторов САС погибли, четвертому удалось уйти, и только потому, что он находился вне машины. Вот что случается с теми людьми, которые пытаются охотиться за Воронцовым. Результат – не только трое погибших операторов САС, но и отношения с нашим союзником, с нашим естественным союзником, находящиеся на самом низком за последние двадцать лет уровне. Североамериканцы блокировали обмен информацией, а нашему представителю в СРС пришло требование Госдепартамента САСШ немедленно покинуть страну. Поэтому мой категорический приказ – никаких убийств, никаких действий, противоречащих закону. Ваша задача – добиться нейтрализации Воронцова исключительно законными методами.

– То есть? – не понял капитан.

– Дезинформация. Старая добрая дезинформация. Мы должны подорвать доверие к Воронцову у североамериканцев, на чьем поле он сейчас играет, а если получится – то и у русских. Если он станет для всех лжецом и изгоем, он будет для нас уже не опасен. Вот в чем заключается ваша задача, капитан Риц-Дэвис. Не убить, а дискредитировать. Любой ценой.

Анджела Макинтайр достала папку с грифом секретности, толкнула ее по столу капитану.

– Краткий план операции. Прочитайте... возможно, у вас будут какие-то коррективы. Оставлять на ночь у себя нельзя, если вам не хватит времени – сдайте в секретную комнату и завтра получите снова, я распорядилась.

– Понятно, мэм, – согласно кивнул головой капитан Риц-Дэвис, – я могу еще ознакомиться с делом оперативной разработки на Воронцова?

Макинтайр почему-то вопросительно взглянула на Бернштайна, тот едва заметно кивнул головой. Черт, уж не Бернштайн ли реальный директор службы, ведь официально он подчиненный Макинтайр.

Интересно, интересно.

Мисс Макинтайр встала из-за стола и вышла в другую комнату, смежную – она считалась комнатой отдыха, но там был сейф. Вернулась она с пухлым, переплетенным с помощью пеньковой веревки и опечатанным делом.

– Имейте в виду, капитан, – дело строго секретно.

Капитан и сам это видел. Стандартная для таких дел пометка UK EYES ALPHA¹⁷, дальше словосочетание НРТ,

¹⁷ UK EYES ALPHA – кодовое обозначение уровня допуска. Означает, что к ознакомлению с файлом допущены только граждане Соединенного Королевства, сотрудники МИ 5, МИ 6, САС, Штаб-квартиры Правительственной связи и Министерства иностранных дел. Пометка НРТ (high potential threat) означает, что лицо, проходящее по этому досье, проходит по спискам чрезвычайной опасности.

свидетельствующее о чрезвычайной опасности разрабатываемого. Дело было открыто в девяносто шестом году, для обычного мало интересующего службу человека оно было слишком пухлым. Пометка НРТ и вовсе наводила на невеселые размышления – если этот парень убил троих сасовцев, причем не из засады, а перехватив инициативу, у него не будет проблемы убить и четвертого.

– Спасибо, мэ. Я изучу это в своем кабинете.

– Выносить из здания нельзя, – тревожно сказала Макин-тайр.

Черт, да что с ними сегодня такое?! С чего они все наложили в штаны?! Хотя в одном случае – получается в трусы, с типичным для британского офицера цинизмом подумал Риц-Дэвис.

– Я понимаю, мэ. Мне всего лишь нужно пару часов. Потом я занесу вам дело. И еще...

– Что еще, капитан? – не предвещавшим ничего хорошего тоном спросил Бернштайн.

– Вы упоминали о том, что объект уничтожил троих оперативников САС. Они работают всегда четверками, стандартный разведывательный патруль. Так?

– Продолжайте, мистер Риц-Дэвис...

– Четвертый член патруля, тот, который выжил. Я так полагаю, мне будет небезынтересно встретиться с ним.

И снова двое старших директоров службы переглянулись то ли как заговорщики, то ли как нашкодившие школьники.

ки. Капитану пришло на ум, что, вполне возможно, операция против русского не была санкционирована сверху, и теперь этим двоим придется отвечать за гибель трех британских военнослужащих, если они не заметут следы. Если русский будет мертв – то, учитывая его послужной список, они огребут по выговору за несанкционированные действия. Но если трое солдат САС погибли, русский жив и готовится нанести ответный удар, русская (или североамериканская) разведка в ярости, то содеянное грозит как минимум увольнением.

Если это так, то это предельно хреново и для него тоже. Потому что, работая на этих двоих, он из офицера на тайной службе Ее Величества превращается в соучастника преступления. И эти двое его сдадут, как только запахнет жареным – бросят его на съедение русским или североамериканцам. Или самому русскому – у него как раз будет очень подходящее настроение для общения с попавшим в переплет британцем.

– Для чего? – спросил Бернштайн.

– Сэр, по делу я вижу, что объект чрезвычайно опасен. Мне нужно поговорить с уцелевшим, чтобы понять – как именно мне надо действовать. Это не шутки.

– Что может сказать вам человек, проваливший задание? – раздраженно сказала Макинтайр. Она научилась посылать людей на смерть, сидя в этом кабинете, но сама не имела дела ни с чем опаснее офисного карандаша.

– Мэм, я специалист по подобного рода делам. Со всем

уважением к вам, позвольте все же мне судить, будет полезна такая встреча или нет.

И снова – то же самое быстрое, вороватое переглядывание.

– Нет, – сказал Бернштайн, – нет, нет и еще раз нет. Категорически – нет. Это невозможно. Тема закрыта.

Вместе с Бернштайном они вышли из кабинета директора службы. За то время, пока они преодолевали расстояние от кабинета директора до кабинета самого Бернштайна, ни один из них не проронил ни слова.

В кабинете Бернштайн ослабил узел галстука, насколько капитан знал своего непосредственного начальника – это означало, что разговор пойдет в несколько неофициальном ключе...

– Вы напрасно так разговаривали с Макинтайр, – негромко сказал Бернштайн, – она очень злопамятна, хотя по ней не скажешь. Этот разговор будет занесен вам в минус.

– Пусть занесет в минус своей подружке, – откровенно схамил капитан, – я не собираюсь играть в эту игру с завязанными глазами.

Начальник Особой инспекции выразительно обвел глазами кабинет. Во всех кабинетах было установлено аж тройное остекление с генератором «белого шума», кабинеты постоянно проверяли, но свои жучки, жучки, поставленные внутренней контрразведкой, чистильщики из штаб-кварти-

ры Правительственной связи не замечали.

Но капитану сейчас нужно было другое. Из перемигиваний и переглядываний в кабинете он понял одно – Бернштайн не может в этом деле надавить на него. Следовательно, это он, капитан Риц-Дэвис, должен надавить на своего начальника, чтобы получить дополнительную информацию. Или еще что-то.

– По-прежнему играете, капитан? – безразличным тоном спросил Бернштайн.

Капитан и в самом деле когда-то любил сыграть. Сейчас он играл более расчетливо, и даже не каждый месяц, – но играл. Последний раз – в Монако.

На стол плюхнулась обандероленная банковская пачка пятидесятифунтовых банкнот с профилем Королевы.

– На игру. Позвольте себе немного расслабиться, капитан. А потом – сделайте то, что должны.

Однако... Пять тысяч фунтов зараз – сильно же, должно быть, их приперло. Дело становится все интереснее и интереснее.

Капитан, держа под мышкой папку с делом, встал и небрежным жестом отправил пачку банкнот в свой карман.

– Я могу идти, сэр?

– Да, капитан. Можете.

Но если Гордон Бернштайн думал, что капитан отказался от идеи найти оставшегося в живых члена патруля САС, он сильно ошибался.

Два часа капитан потратил на изучение личного дела князя Александра Воронцова, и оно привело его в состояние мрачного уныния. Это была даже не акула – это была косатка, хищный кит, для которого перекусить пополам неосторожного ныряльщика – как нечего делать. Разложив в голове все по полочкам, капитан Риц-Дэвис поднялся наверх и сдал дело.

Кстати, он ошибся, дело начиналось не с девяносто шестого года. Первыми были два листа стандартных контрразведывательных проверок более ранних периодов, ни одна из них ничего не показала. Капитан этому не удивился – контрразведчики начинают соображать, что к чему, только если увидят кучу дерьма у себя на столе.

Что касается плана операции, он был очередным шедевром, разработанным в Кронкайт-Хаусе, одном из неприметных мест, где сидели в основном аналитики. Что бы про них ни говорили – бесполезные маленькие извращенцы, но хлеб свой они отработали сполна...

Британия, поразительно слабая и маленькая страна, стала великой империей во многом благодаря разведке. Там, где пруссаки, французы или русские применяли грубую силу, британцы вынуждены были хитрить. Каждый британский джентльмен в чужой стране был еще и разведчиком, наблюдательным, бесстрастным, изворотливым, всегда готовым сообщить об увиденном «куда надо». Британцы нико-

гда не имели большой и хорошо вооруженной армии, но добивались просто поразительных военных побед: они просто сталкивали своих главных соперников лбами, заставляли воевать их друг с другом, а не со старой доброй Британией. Начавшаяся с Черного Кабинета британская разведывательная машина и сейчас работала как часы. Шпионаж, террор, компрометация, дезинформация, провокация – вот чем торгуют бесстрастные британские джентльмены в самых разных уголках земного шара...

И обижаются, если их вышибают из какой-нибудь страны пинком под зад, а то и убивают.

Как победить такого человека, как Воронцов? Как одержать победу над человеком, который прошел специальную подготовку, опытен, хитер, вооружен, нигде не остается надолго, скорее всего – прикрыт спецслужбами стран пребывания. Силой? Уже попытались – результатом стали три трупа в изрешеченной пулями машине. Да и убив его – многое ли изменишь? Его смерть – вопрос тактический: убьешь – пришлют кого-то другого, вот и все, меры безопасности ужесточат. А стратегический вопрос – как изменить ход истории, когда против тебя – две сильнейшие державы мира? Как сделать так, чтобы Атлантическое партнерство не сменилось на Тихоокеанское, а Гонконг и Австралия с Новой Зеландией не оказались в изоляции от метрополии? Оказывается – все просто. Немного выдумки, много правды и чуть-чуть лжи – коктейль, который убьет любую дружбу...

Профессиональная разведка – перевернутый мир. Вместо дружбы здесь сотрудничество, вместо вражды – противодействие, вместо добра – зло. Игроки на этом рынке оперируют принципиально другими этическими категориями, часто они работают на нескольких хозяев и не испытывают по этому поводу никаких угрызений совести. Подозрительность возведена в культ – доверять нельзя ничему и никому, потому что профессиональная разведка – мир профессиональных лжецов и профессиональной лжи. Привыкшему к лжи, подозрительному уму нужно совсем немного, чтобы дать своим подозрениям ход. Почему князь Воронцов продержался четыре года в Белфасте, не привлёк внимания контрразведки страны пребывания, почему он уцелел в охоте, которую на него вели все спецслужбы Великобритании, почему его не смогли убить позже, почему он выжил в покушениях в Персии?

Да потому, дорогие товарищи, джентльмены и очаровательные леди, что князь Воронцов был раскрыт в самом начале своей деятельности в Великобритании и дал согласие работать на британскую разведку! А все остальное, что с ним происходило, не более чем операции прикрытия, которыми британская разведка проталкивала наверх своего ценнейшего агента.

Что? Князь Воронцов нарушил стратегическую игру в Персии, замирил страну, противодействовал попыткам британской разведки поднять страну на джихад? А это еще

как посмотреть, господа. Во-первых, кое-каких результатов в Персии все же добились. Во-вторых, а насколько Британии выгодна дестабилизация обстановки в Персии и в последующем на Востоке? Так ли выгодна, если учесть проблемы с Афганистаном и в жемчужине британской колониальной империи – Индии? Может быть, британцы просто разыграли знаменитую концепцию «баланса сил» – русские почти справились с ситуацией в Персии, но до сих пор действуют террористические группы, не обезврежен опаснейший лидер террористов – генерал спецслужб шахиншаха Тимур, продолжает действовать террористическое подполье по всему Востоку. Русские не могут уйти, но не могут и окончательно замирить регион, они вынуждены вкладывать сюда огромные ресурсы, ослабляя тем самым другие направления, вызывая недовольство коренного населения и даже не думая о каких-то агрессивных поползновениях в сторону Британской Империи. Так что по работе Воронцова в Персии есть очень большие вопросы, если хорошо подумать.

А если есть такие вопросы – последствия таких вопросов становятся масштабными и многогранными...

Сразу и с ходу компрометируется весь канал связи между некоторыми североамериканскими политическими элитами и русским домом Романовых. А как он может не быть скомпрометирован, когда на нем изначально сидит британский агент? Получается, что все договоренности, вся информация попала в руки британцев – и ее уже нельзя считать надеж-

ной. Гениальный парадокс этой схемы в том, что британцы получали пользу от информации, которую они не знали: какой бы она ни была, она будет скомпрометирована. Сразу же возникали вопросы у североамериканцев. Что творится у их новых союзников, если один из наиболее доверенных лиц Романовых оказывается британским агентом? А сколько еще таких агентов ждут своего часа? И как можно доверять союзнику, высшие эшелоны власти которого кишат британскими агентами? И как можно разворачивать тихоокеанский союз на замену атлантическому, если британцы будут знать каждый шаг новорожденного политического объединения?

Таким образом, на смену тихоокеанскому потеплению придет тихоокеанское недоверие и враждебность, люди из «прорусской» партии будут вынуждены покинуть свои посты, а Америка убедится, что старый друг – лучше новых двух.

Такова стратегия. Остается тактика...

Как забросить информацию, чтобы в нее поверили? Ведь и с той и с другой стороны сидят далеко не дураки. У них есть свои интересы, и они отлично понимают, что никто ничего не будет делать без своего интереса. Это с какой такой стати британцам раскрывать своего ценнейшего, много лет работавшего на них агента, взамен на что? Если он и в самом деле их агент. Прямых доказательств нет, косвенным никто не поверит.

Запустить информацию через Россию? Грубее ошибки

придумать сложно.

Если запустить информацию через Россию – в нее просто никто не поверит. И не потому, что все такие недоверчивые, а потому, что она скомпрометирует слишком многих. Воронцов – дворянин, князь, если он проданся англичанам – тень ляжет на все дворянство, на весь флот. Николай Романов не поверит в предательство своего старого друга. Руководство спецслужб, на которые работает Воронцов, будет защищать своего агента до последней капли крови – потому что его компрометация будет означать и компрометацию их и всей их многолетней работы. Его будет защищать МИД – потому что после такого скандала на месте отношений с САСШ останутся руины, все вернется в начало восьмидесятых. Наконец, не может быть, чтобы во время его работы князя Воронцова не проверяла контрразведка. Именно русская контрразведка – и скорее всего она даст заключение, что все это – не более чем грязная и наглая британская провокация.

А вот если запускать дезу через американцев...

Тут возможности куда шире. Во-первых, для североамериканцев князь Воронцов все-таки чужак. Во-вторых, они живут в обществе без аристократии и для них переход в другую команду, «выбор свободы» – всего лишь один из шагов, может, правильный, может, неправильный, но вполне возможный. Они не понимают, что такое аристократия и что такое дворянская честь – честь не отдельного человека, а всего дворянского рода, всех дворян в целом. Они не понима-

ют, какую ненависть может испытывать тот же вице-адмирал Воронцов к Великобритании и к англичанам в целом – ненависть, которую русские аристократы учатся испытывать с рождения, когда им в лицах рассказывают о британских злодеяниях по отношению к России. Прадед или дед князя Воронцова погиб в бою с британским флотом, и если для североамериканца это был бы просто исторический факт, то для русского это постоянное напоминание о необходимости отомстить. Так что североамериканцам поверить в предательство русского дворянина в пользу британцев куда проще, чем тем же русским.

В-третьих, в отличие от России в североамериканских спецслужбах существует значительная «атлантическая», пробританская партия, которая не упустит возможность ухватиться за эту историю и ткнуть своих коллег в грязь...

Капитан оторвался от чтения... Он кое-что вспомнил. Североамериканцы из североамериканской миссии связи в Лондоне... Шумные, говорливые... они снимали дома в Бельгравии, первым делом заказывали себе новый костюм взамен того, что купили на Пятой авеню в Нью-Йорке в магазине готового платья, и обижались, почему соседи не зовут их на файв-о-клоки¹⁸. Как же звать таких неотесанных

¹⁸ Одна из британских традиций, чай в пять часов вечера. Это более чем традиция, это социальный ритуал, один из тех, что делают британцев теми, кто они есть.

хамов?

Им и впрямь можно впарить...

Остается один вопрос – технический. Как... Как, например, объяснить то, что князя Воронцова совсем недавно пытались убить, причем, судя по почерку и по трем трупам, которые никто не востребовал, – британцы. Это что же за разведка, охотящаяся на своих ценнейших агентов?

И тут планировщики операции проявили гениальность.

Все события последнего времени в Нью-Йорке можно объяснить тем, что агент Воронцов... вышел из-под контроля!

Такое часто бывает. Контролировать агентов очень сложно. Тех, кто работает на две-три разведки разом – особенно. У них нет чести, совести, моральных ограничений, они плюют на закон. Им не нужно возвращаться на Родину, потому что у них нет Родины – есть норы, в которых можно отлежаться, и есть страны, которые не выдают. Рано или поздно должен был выйти из-под контроля Воронцов, и вот он вышел. А почему бы и нет? Человек обосновался в стране свободных – САСШ, заработал немало денег, окружил себя охраной. Почему бы ему и в самом деле не стать свободным от обязательств, которые он взял десяток с лишним лет назад, чтобы не закончить свою жизнь на виселице?

Британская разведка приняла решение ликвидировать своего бывшего агента. Это ее право – чтобы не растекалась информация и в назидание остальным, кто может решить,

что и он свободен от обязательств. Однако ликвидация сорвалась, и князь Воронцов устроил скандал, приплетя в свою грязную игру североамериканские государственные интересы.

Вот этого североамериканцы уже не простят. Никогда, никому и ни за что. Для достижения своих личных целей подозрительный русский устроил скандал и провокацию со стрельбой, погибли полицейские, под удар поставлена дружба САСШ и Великобритании. Теперь канал связи компрометируется еще больше: получается, что Воронцов – разложившийся тип, которому нельзя доверять ни на грош, который путает личное с государственным и еще непонятно, от чьего имени говорит – то ли от имени Российской Империи, то ли от себя лично. И чего стоят достигнутые через него договоренности?

Гениально.

Вброс информации в игру – просто, как и все гениальное. Воронцов сейчас в Мексике, это зона вооруженного конфликта, там у него свои люди. Британцы, потерпев одно поражение, затевают новую операцию и посылают в Мексику опытного оперативника, ранее проходившего службу в спецподразделениях. Задача – убрать перебежчика самостоятельно или привлечь к работе специалистов, которых в Мексике полно. Перед тем как начинать действовать, он выходит на местного знакомого офицера из СРС и сообщает ему о своем присутствии и намерениях. Заодно немного про-

говаривается – недостаточно, чтобы напрямую понять, о чем речь, но достаточно для того, чтобы начать копать. Дальнейшее североамериканцы сделают все сами. Информация, которую ты добыл лично сам априори воспринимается как истинная, даже если есть серьезные прорехи и несостыковки. Ты считаешь ее истинной и не замечаешь несостыковок, потому что любишь себя и не хочешь обесценивать свою работу.

Гениально. Осталось только одно – попасть в Мексику и там попытаться выжить. А так – гениально...

Сдав секретные бумаги и выйдя на улицу, он взял в гараже Службы неприметный темный «Ровер» и покатил в Сохо. Сохо, богемный район Лондона, отличался тем, что там проживали очень интересные люди, там, и только там, в Лондоне можно было отведать «зеленой феи», запрещенного абсента, и еще там очень легко было уходить от наружного наблюдения. Капитан знал этот район как свои пять пальцев – со всеми проходными дворами и черными ходами в подъездах.

Но «наружки» за собой он не заметил. Видимо, Бернштайн решил оставить его в покое, посчитав, что купил его с потрохами за пять тысяч фунтов. Кстати... на обратном пути надо наведаться в банк, где арендована ячейка. Пусть полежат там.

Капитан зашел в небольшой бар, заказал ленч грузчика, безалкогольного пива и телефон, чтобы позвонить. И то, и

другое, и третье ему предоставили, номер он набрал по памяти, никогда не записывал...

Ответили после черт знает какого гудка.

– Who dares wins¹⁹, – сказал капитан в трубку.

– Кто это? – отозвалась трубка после долгого молчания.

– Водоплавающее дерьмо из Шанхая, – ответил капитан, – там же, где и раньше. Пойдет?

– Два часа.

В трубке забились гудки.

Два часа... Как раз хватит на то, чтобы появиться в банке. Поставить машину на прикол, переодеться и взять такси. В таких делах – лучше именно такси.

Направляясь к себе домой, он остановился у круглосуточного интернет-кафе, купил час времени в Интернете. Пятнадцати минут изучения прессы хватило для того, чтобы понять, в какое дерьмо вляпались эти два высокопоставленных ублюдка. И самое главное – теперь они и его тянут за собой.

Встретились через два часа, когда уже стемнело – на сей раз в баре Вест-Энда, довольно дерьмовом. Бар этот делился на две части – в одном просто можно было выпить и немного перекусить, в другом были кабинки с дыркой, и можно было пообщаться с дамами. Дамы эти отличались изрядной... э-э-э... массивностью, но тут на вкус и цвет товарищей нет.

¹⁹ Кто рискует – побеждает, девиз САС.

Капитан брезговал дамами такого пошиба еще и из-за того, что на руках у многих можно было увидеть красные точки от внутривенных инъекций.

Капитан подождал своего визави на улице, точнее, не на улице, а на чердаке дома, стоящего напротив. Он вскрыл английской булавкой замок подъезда старого доходного дома, осторожно поднялся по провонявшей кошачьей мочой лестнице и поднялся на чердак. Тут все было тихо – только негромко переговаривались между собой голуби да надо было следить, чтобы не вляпаться. Голуби – это хорошо, если вести себя достаточно осторожно и не спугнуть их – они подскажут, если кто-то захочет подкрасться к тебе со спины.

Увидев полугоночный седан «MG», немного неуместный в антураже мрачных улочек Вест-Энда, капитан усмехнулся – человек, которого он спас во время операции в Шанхае, буквально полумертвым дотащил до порта с разъяренными головорезами тонга на хвосте, нанятыми, очевидно, русскими, по-прежнему не прочь был выпендриться. Налоги на такую машину, как эта «MG», в Соединенном Королевстве были немилосердными.

Проследив за тем, как его друг вошел в бар, капитан оставался лежать еще десять минут, внимательно наблюдая за улицей. Ничего подозрительного за эти десять минут не произошло. Не проехала на небольшой скорости по улице машина с лишней антенной на крыше, не припарковался фургончик молочника или доставщика цветов, не появились улич-

ные торговцы или влюбленный, ожидающий свою пассию с букетом цветов. Это значит, что его друг не приволок за собой «хвост» и можно было идти. Да, это была Англия, старая добрая Англия, это был Лондон, но все равно капитан чувствовал, что его ввели в предельно скверное предприятие, и принимал все меры предосторожности, какие только возможно. Моральные качества новых руководителей Службы он оценивал верно – продадут за дрянной пенни.

В баре его друг сидел в углу так, чтобы смотреть за входом – навыки Службы, полученные в ходе операций за границей, навсегда остаются с тобой. Рядом сидела какая-то парочка в черной коже, причем девица была лысая, а парень – с длинным, нечесаным хаером. Верней, парень-то сидел, а девица лежала у него на коленях и... понятно, чем они занимались. Вот такая вот сейчас в Британии молодежь пошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.